

ФОРМУВАННЯ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ КОНФЛІКТУ В КОНТЕКСТІ ОСНОВНИХ ПОЛОЖЕНЬ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ СИСТЕМ

The paper is concerned with analysis of theoretical and methodological approach towards construction of the general theory of conflict. The central part of paper is based on analysis of the ideas of Anatol Rapoport whose many contributions to this field are well known and influential.

This paper is devoted to his more general ideas on conflict: structural systemic explanations of conflict, the main forms of resolution of conflict (fights, games, debates), the taxonomy of conflict.

У статті зроблена спроба роздивитися чотири основні підходи побудови загальної теорії конфлікту, що сформувалися в західній системі соціальних знань у 60-70-х роках ХХ сторіччя.

Аналізується варіант моделі загальної теорії конфлікту, запропонований А.Рапопортом, створеної в контексті основних положень загальної теорії систем.

У статті також приділяється увага теоретичним розробкам А.Рапопорта в області класифікації (таксономії) конфліктів і можливостям практичного використання її результатів до аналізу соціальної реальності.

Ключові слова: загальна теорія конфлікту, конфліктна ситуація, механізми регулювання.

Активна розробка на початку 60-х років і застосування різних варіантів теорії конфлікту (від політичного конфлікту в контексті концепції правлячої еліти Ч.Р.Міллса до соціального – в рамках теорії групової динаміки К.Левіна) як методологічної основи дослідження проблем соціальної реальності в середині 60-х років поставили перед прибічниками конфліктологічного підходу особливу задачу високотеоретичного характеру – необхідність обґрунтування можливого існування і відповідно до принципів побудови загальної цілісної (тобто відповідаючої основним вимогам аналізу соціальних явищ і процесів на макро- і мікрорівнях у всіх сферах життєдіяльності сучасного суспільства) теорії соціального конфлікту.

Ця проблема побудови загальної теорії конфлікту виявилася однією з найдискусивніших у теоретичних розробках соціальних дослідників конфліктологічного напрямку і привернула до себе особливу увагу вчених із інших галузей знання: біології, кібернетики, математики, економіки тощо.

В цілому, мабуть, усю багатоманітність запропонованих варіантів вирішення цієї задачі можна умовно об'єднати у чотири головні напрямки. Перший з них представлено працями Дж.Тернера, Дж.Девіса, Р.Мака і Ч.Снайдера, базованими на численних спробах узгодити між собою різні школи, що існують у межах традицій теорії конфлікту. Другий напрямок пов'язаний із результатами досліджень проблем конфлікту в різних соціогуманітарних науках (від соціальної психології до семантичних дисциплін) і спробою узагальнення отриманих даних в єдину теоретичну конструкцію. Найбільш повно і всебічно цей підхід, на наш погляд, можна простежити у міркуваннях американських дослідників Дж.Бернард, Дж.Доугерта, Р.Пфальцграффа.

Третій напрямок об'єднує дослідників із різних галузей сучасної системи знань, які прагнуть вивести загальну теорію конфлікту із структури загальної теоретичної системи. До найбільш активних прибічників цієї позиції можна віднести відомого американського економіста, соціального дослідника К.Боулдінга та видатного американського вченого в області математичної біології, соціології і психології А.Рапопорта.

Четвертий напрямок базується на спробі окремих авторів, які займаються розробкою

Денисенко Ірина Дмитрівна – кандидат філософських наук, доцент, докторант кафедри соціології і політології Харківського державного педагогічного університету ім.Г.С.Сковороди

математичних моделей гіпотетичної поведінки різних об'єктів у ситуації вибору, побудувати загальну абстрактну схему конфлікту в контексті основних положень загальної теорії ігор. До цієї групи дослідників можна віднести американських соціологів Т.Шеллінга, А.Обершалла і Дж.Харсані.

Серед основних підходів до побудови загальної теорії конфлікту особливе місце посідає третій напрямок, оскільки саме його розроблення розширило межі можливого прогнозування, регулювання процесу протистояння і раціональних способів вирішення конфлікту за допомогою активного залучення різних викладок із області системного аналізу (від простих математичних формул до складних кібернетичних кругових причинних ланцюгів, розкриваючих механізми цілеспрямованої і такої, що самоконтролюється, поведінки).

Один із найцікавіших варіантів побудови теоретичної схеми дослідження конфлікту в контексті основних положень загальної теорії систем був запропонований на початку 60-х років Анатолем Рапопортом. Він, як і його співвітчизник К.Боулдінг, вважав, що "загальна теорія систем – це світогляд чи методологія, а не теорія в тому сенсі, який надається цьому терміну в науці" (Традиційно під теорією систем у 50-60-х рр. розумілися різні підходи до вивчення систем, засновані на виділенні й аналізі їх загальних властивостей) [1, с.85]. При цьому особливу увагу А.Рапопорт звертав на математичний аспект цієї методологічної позиції. Згідно з його міркуваннями, з погляду математики, система – деяка частина світу, яку в будь-який час можна описати, використовуючи конкретне значення множині перемінних. Сукупність цих значень визначає стан системи.

Причому, за А.Рапопортом, конкретний і перспективний стан системи можна завжди уявити і описати через статичну (чи структурну) і динамічну теорії. Перша – це сукупність тверджень, що зв'язують значення цих перемінних один з одним при певному виборі стану системи (наприклад, для стану рівноваги). Динамічна теорія систем, як її уявляє А.Рапопорт, указує, як зміна значень деяких перемінних залежить від значень чи від змін значень інших перемінних. Тобто, динамічна теорія – це сукупність тверджень, із яких можна математично вивести поведінку системи (описати, як вона переходить із одного стану в інше) [1, с.98].

Такі теорії в свою чергу, за логікою Рапопорту, мають базуватися на наробках із таких галузей знань, як кібернетика, що функціонує на принципі зворотного зв'язку чи кругових причинних ланцюгах і пояснює механізми цілеспрямованої і такої, що самоконтролюється, поведінки; теорія інформації, яка вводить поняття інформації як деякої кількості, вимірюваної через вираження ізоморфної негативної ентропії у фізиці, і як поняття, яке застосовують для аналізу всіх явищ, в яких розглядається організована поведінка, спрямована на досягнення поставленої мети; теорія ігор, яка аналізує в межах особливого математичного апарату раціональну конкуренцію двох чи більше протистоячих сил з метою досягнення максимального виграшу і мінімального програшу; і нарешті, факторний аналіз, що дозволяє через використання математичного аналізу проводити процедурні ізоляції факторів у багатоперемінних явищах у психології та інших наукових областях.

Виходячи з цих методологічних передумов, А.Рапопорт спробував побудувати теоретичну конструкцію дослідження і розв'язання соціального конфлікту, окремі частини якої були висвітлені в його працях: "Бої, ігри і дебати" (1960), "Стратегія та совість" (1964), "Дилема ув'язненого: дослідження у конфлікті та співробітництві" (1965), "Теорія ігор двох осіб: основні ідеї" (1966), "Моделі конфлікту: руйнівна та стратегічна" (1966), "Велика двійка: радянське та американське розуміння зовнішньої політики" (1971), "Конфлікт у створеному людському середовищі" (1974), "Математичні моделі у соціальних науках та в науках про поведінку" (1983), "Витоки насильства: підходи до вивчення конфлікту" (1989).

Проте, на наш погляд, слід зазначити, що цілісної теоретичної схеми аналізу людської поведінки у конфліктній ситуації в результаті активної праці А.Рапопорта в цьому напрямку створено не було.

Відштовхуючись у своїх дослідженнях від обраної методологічної теорії з її явно виявленим математичним аспектом, він постійно прагнув віднайти ті первісні перемінні (або критерії), за допомогою яких можна буде не тільки описати будь-який конфлікт, але й розкрити його внутрішню структуру, зрозуміти динаміку розвитку і пояснити механізм можливого розв'язання.

Спочатку А.Рапопорт як перемінні пропонував розглядати різні форми конфліктних ситуацій. На його погляд, саме аналіз трьох основних з них: конфліктів типу боїв, типу ігор і типу дебатів може дати повне уявлення про характер протистояння і поведінки його учасників, про можливі зміни у розвитку ситуації і вірогідності ліквідації першоджерела конфлікту [2].

Згідно з дослідженнями А.Рапопорта, в конфліктах типу боїв їх учасники прагнуть максимально нашкодити один одному (як матеріально, так і морально), не маючи при цьому на увазі ні розумної мети, ні продуманих способів вибору різних засобів для її досягнення.

У конфліктах типу ігор, навпаки, за спостереженнями А.Рапопорта, їх учасникам притаманна виключно раціональна, ретельно продумана поведінка, тобто у перебігу конфліктної ситуації гравці вибирають цілі і способи дії на основі аналізу попередніх ситуацій і прогнозу на майбутнє їх розвитку, повністю виключаючи вплив на свою поведінку емоційних факторів. При цьому системи переваг гравців розглядаються як постійна величина (незмінними). І головне завдання кожної з протистоячих сторін полягає не у з'ясуванні питання, наскільки ці системи відповідають дійсності (або відповідають істинним інтересам учасників конфліктної ситуації), а у тому, щоб узявши їх за основу, спробувати виграти якомога більше у свого супротивника.

У конфліктах типу дебатів, з погляду А.Рапопорта, їх учасники аналогічно діям протистоячих сторін у ігровій формі, в цілому орієнтуються на раціональну поведінку, але при цьому намагаються не обіграти один одного в межах деяких фіксованих і конфліктних за своїм характером систем переважань, а концентрують свою увагу на аналізі самих цих систем. Тут передбачається, що у ході взаємних дебатів супротивники здатні так переосмислити свої системи переважань, що їхня конфліктність виявляється перебореною, і таким чином ліквідується першоджерело конфліктів в цілому.

Внаслідок всебічного аналізу всіх трьох форм конфліктних ситуацій А.Рапопорт дійшов висновку, що розв'язання будь-якого протистояння досягається тільки шляхом взаємних дебатів між його учасниками. Звідси зміст механізму врегулювання конфліктної ситуації, за А.Рапопортом, міститься у можливих варіантах переводу різних видів протистояння із форм типу боїв і типу ігор у форму дебатів, під час яких сторони щиро намагались би зрозуміти позиції один одного і дійти до деякого справедливого рішення, яке б узгоджувалося з потребами розуму і совісті. (Цікаво підкреслити, що А.Рапопорт відносить совість до основних систем моралі, яку трактує як нормативну науку, у межах якої людські оцінки можуть бути піддані конструктивній критиці і переосмисленню).

Потім, як перемінні конфліктної поведінки, надавши яким конкретного значення, може всебічно визначити стан цього протистояння (від природи виникнення до методів можливого розв'язання) А.Рапопортом було запропоновано розглядати вид колізії [6]. Його класифікація сучасних конфліктів була заснована на двох критеріях.

Основним критерієм рапопортівської класифікації чи "таксономії" (наукова процедура, запозичена ним із біології) конфліктів виступає природа систем, втягнутих у соціальне протистояння. Саме цей критерій визначає, на його думку, його психологічне, соціальне та історичне значення. Іншим важливим критерієм, з його погляду, є сам спосіб розв'язання конфлікту. Саме цей критерій і визначає зміст механізму раціонального регулювання конфліктної ситуації та її можливих наслідків.

Внаслідок активного використання (розглядання з різних позицій природи походження конфліктної ситуації) першого критерія А.Рапопортом були виділені різні різновиди соціального протистояння: "ендогенні" і "екзогенні", "симетричні" і "асиметричні"; "спе-

цифічні" і "структурні" конфлікти.

До "ендогенних" конфліктів А.Рапопорт відносить такі конфлікти, учасниками яких є системи, тобто окремі складові "надсистеми", в якій є певні механізми для підтримання її стійкої рівноваги, управління періодично виникаючим протистоянням між її підсистемами або вирішення цього збою. За відсутності однієї такої "надсистеми" всі конфлікти, що виникають між різними системами, А.Рапопорт пропонує вважати "екзогенними".

"Симметричними" ж конфліктами А.Рапопорт пропонує вважати ті протиборства, в яких сторони конфлікту є однотипними системами або розглядають себе як такі. Ті види зіткнень, у яких їхніми сторонами виступають цілком різні одиниці, А.Рапопорт відносить до "асиметричних" конфліктів.

Як "специфічні" конфлікти, згідно А.Рапопорту, слід розглядати ті колізії, які виникають навколо особливих предметів чи питань, пов'язаних з життям системних одиниць. Якщо ж витоки зіткнення знаходяться у структурних взаємовідносинах між елементами системи, то їх належить відносити до "структурних" конфліктів.

Що ж стосується класифікації конфліктів, заснованій на інтерпретації різних способів їх розв'язання, то, за твердженням А.Рапопорта, у цьому випадку слід розрізняти ті конфлікти, розв'язання яких не викликає певних змін у структурах конфліктуючих систем і "надсистеми", і ті конфлікти, розв'язання яких супроводжується змінами і навіть перетвореннями у структурах сторін-учасниць, а також різні конфлікти, розв'язання яких становить реалізацію конкретних методів теорії ігор: дилеми ув'язненого; ігри з нульовою сумою; раціонального вибору вільного вершника тощо [4].

Не варто забувати, що основні праці з конфліктної проблематики А.Рапопорта були написані під час ідеологічного протиборства між капіталістичною та соціалістичною системами і, за обставин, що склалися, жорстко і цілеспрямовано зорієнтовані на дослідження миру і пошуки мирного розв'язання різних соціальних протистоянь і зіткнень, особливо міжнародних [3; 5]. Тому, мабуть, можна легко пояснити той факт, що із зміною рівня (розрядкою) міжнародної напруги інтерес американо-канадського "системника" до теоретичних проблем соціальних колізій в цілому різко знизився, а у сфері уваги виявився тільки прикладний аспект (традиційний і домінуючий у сучасній західній конфліктології) цього процесу – пошук і можливе використання різних способів для вирішення конфліктних людських ситуацій (тобто від звернення до мови як елемента із області загальної семантики і реального засобу корекції процесів спілкування між індивідуумами до побудови математичних моделей їхньої поведінки) [7].

Оскільки за думкою А.Рапопорта, "цивілізоване суспільство потребує фахівців, основна справа яких – мислити про людські вчинки математично", тобто раціонально, звідси "цивілізоване суспільство потребує згуртовування чоловіків та жінок, які опанували техніками точного мислення, особливо в тих галузях, що мають певний (хай навіть опосередкований) вплив на людські вчинки" [7, с.479].

Література:

1. Рапопорт А. Замечания по поводу общей теории систем // Исследования по общей теории систем. – М., 1969.
2. Rapoport A, Fights, Games and Debates, – N.Y., 1960.
3. Rapoport A. Strategy and Consience, – N.Y., 1964.
4. Rapoport A, Models of Conflict: Cataclysmic and Strategic // Conflict and Society. – N.Y., 1966.
5. Rapoport A. The Big Two: Soviet American Perceptions of Foreign Policy. – N. Y., 1971.
6. Rapoport A. Conflict in Man-Made Environment. – Baltimore, 1974.
7. Rapoport A. Mathematical Models in the Social and Behavioral Sciences. – N.Y., 1983.

КОНЕЦ КРИТИКИ?

The phenomenon of critics in the conditions of methodological pluralism is being discussed. The historical forms of critics have been described. The conclusion is made that in the conditions of the methodological pluralism critics loses its significance and exists as a selfcritics.

Обговорується феномен критики в умовах методологічного плюралізму. Описані історичні форми критики, точніше, ситуації звернення до аналізу феномена критики. Робиться висновок, що в умовах методологічного плюралізму критика втрачає своє значення та існує у вигляді самокритики.

Ключевые слова: феномен критики, методологический плюрализм, формы критики, самокритика.

Начало или конец? Ни то, ни другое. Это всегда было и, конечно, ни куда не денется. Так, по-видимому, устроена человеческая голова. Но мы жаждем обнаруживать новизну, без новизны какая же наука. А потому я буду настаивать на том, что помимо других концов – истории, стиля и т.п., грядет уже явно замечаемый *конец критики*. Это утверждение как будто бы противоречит изображению *критического мышления* в виде ингредиента радикальной реформы образования, задуманной в самой богатой и поспевающей за временем стране. Впрочем, противоречит ли?

Если попытаться найти категорию, наиболее адекватную феномену критики вообще, то это, несомненно, будет категория *“ценность”*. Ценность – как бы платформа, стоя на которой мы говорим некоторой инициативе или предложению, или решению либо критическое “нет”, либо апологетическое “да”. Ценность охраняется от посягательства на нее *нормой и санкцией*. Само слово *kritikz* возникло у греков в судебной практике – “сужу, выношу приговор”, а затем, как бы по аналогии с юридическим процессом, стало использоваться при разборе и оценке литературных произведений.

Будучи сопряженной с ценностями, критика становится важнейшим институтом в том обществе, в котором ценности носят самодовлеющий характер, где их защитой занято государство. Речь, разумеется, не о праве, каковое естественно сформировалось для защиты универсальных ценностей. Речь обо всем том, что работает на *идеологию*. Понятно, что имеется в виду тоталитарный режим. Именно при тоталитарном режиме царит тотальная и универсальная критика бытия и сознания. Яркий образ – первое лицо режима с цветным карандашом в руке внимательно вычитывает рукопись очередного романа, созданного в воспитательных целях каким-нибудь “инженером человеческих душ”. Вряд ли оно – первое лицо, читало Платона. Само дошло до мысли стареющего Сократа: “Прежде всего нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет – отвергнем” [1, с.377].

Демократия – это общественное устройство, при котором критика сначала *приватизируется*, а затем *отмиряет* как государство у коммунистов. Появляется надобность в могильщике, им становится *плюрализм*. В результате наступают эпоха *вседозволенности*, предъявляющая к индивиду почти непомерное требование *терпимости*. И получается, например, следующее: “Преподавательский этикет в современной Америке требует, чтобы с кафедры как можно реже раздавались (в обоих смыслах этого глагола) оценки обсуждаемым текстам. От профессора ожидается изложение некоей теории, описание связанной с ней методологии и на этой основе беспристрастный анализ. “Оценочное суждение” – едва ли не преступление, высказывать собственное мнение по поводу обсуждаемого произведения – дурной вкус” [2, с.47].

Шкода Владимир Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры прикладной социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 45-72-37)

Вот теперь впору спросить, как же совместить изображение бума вокруг критического мышления с практикой преподавания, демонстрирующей плюрализм in action и несовместимой с критикой? Вчитаемся в отрывок из интервью со специалистом по критическому мышлению Р.Паулем: “критическое мышление – мышление о мышлении, когда вы размышляете с целью улучшить свое мышление”... “собственное мышление нужно постоянно адаптировать к мышлению других”... “Хотим ли мы, в конце концов, стать критически мыслящими личностями с тем, чтобы нашему примеру последовали наши студенты”[3, с.5-6]. Публикаторы этого отрывка в своей весьма содержательной монографии дают к определению Р.Пауля примечание, которое оказывается знаковым: “Но, понятно, критическое мышление своим предметом имеет мышление не только своего субъекта, но и любого другого мыслителя”. Увы, критики “*другого мыслителя*”, если вчитаться, Р.Пауль избегает сознательно и принципиально. И выходит, что то, что считается допустимым и понятным со всей очевидностью в одной культуре, недопустимо и считается дурным вкусом в другой культуре. Подобную рецепцию образцов западной культуры можно обнаружить во всех сферах нашего нынешнего бытия, особенно в политической. Заимствуются слова, вообще – знаки и ритуалы, а не стоящие за ними смыслы и действия.

А между тем пора привыкать к вседозволенности, при которой каждый вступает на тропу самовыражения и *саморазоблачения*. Уже не скрыться за методом или редактором. Каждый являет себя таким, каков он есть. В свое время появлялось в издательстве нечто или “*материал*” ученого начальника, и грамотные филологи-редакторы делали из него конфетку – текст, который поражал своим совершенством всех, кто знал цену автору. Сегодня эти филологи, похихикивая, предлагают издавать опусы в *авторской редакции*. И авторы, исполненные уверенности в своих достоинствах, надувая щеки, издают. И нет больше нужды судить мастеров по гамбургскому счету. К тому же вседозволенность освобождает автора от обязанности изображать беспристрастность. Всем уже понятно, что “железная” логика и упрямые факты появляются не ранее, чем ученый определился в ценностных предпочтениях. Сначала что-то нравится или не нравится, быть может, выгодно или не выгодно, а потом уж ищутся факты, выстраиваются аргументы. Сегодня игра идет в открытую. А потому надобна откровенность. Вот ведь человек: сначала ему чаю захочется, а потом он ставит философский вопрос о соотношении личного и общественного: “Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить?”.

За что казнили Сократа? Сократу, на его беду, Бог, который в Дельфах, сообщил, что нет никого на свете его мудрее. Ну, сказал Бог, иди себе домой и довольствуйся комплементом. А Сократ стал ходить по разным людям, которые слывут мудрыми, и испытывать их на мудрость. Всякий раз оказывалось, по меркам Сократа, что мудрый человек вовсе не мудр, и Сократ принимался ему это втолковывать. Поиски мудрого человека предпринял он, чтобы проверить прорицание, ибо сам себя мудрым никогда не считал. Насколько оправдано такое поведение? Во-первых, выказано недоверие Богу. Ведь оказывается, что Сократ, именно Бога и испытывает. Во-вторых, в этих хождениях Сократа сопровождала молодежь. Наблюдая беспомощность мудрецов перед его вопросами, молодые люди потешались, а люди уважаемые претерпевали унижение. Наконец, всем это надоело, и от Сократа решили избавиться.

Люди не любят, когда их *разбирают*. А Сократ только этим и занимался. В конце своей оправдательной речи он сообщает афинянам, что продолжит это занятие и в Аиде, как только переселится туда. Хорошее это будет дело, считает он, – “проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей”. *Разбор, разборка, разбирательство*... Это – ключевой концепт в описании занятий Сократа. Занятий не безобидных, если не сказать – опасных. Ведь общественная жизнь зиждется на конструкциях *значимых только в своей целостности*. Когда начинают их *разбирать*, оказывается, что их составные части, взятые по отдельности, смысла не имеют. Это неожиданное открытие, если над ним призадуматься, ведет к скептицизму и унынию. Ибо делается вывод о бессмысленности самого общежития.

В массе своей люди не платят за то, что им не нужно. Есть дураки, они не в счет. Если софистам платили за обучение, значит, их услуги имели ценность. Они поддерживали формы коммуникации, конституирующие сообщество. Сегодня не легко представить, насколько важным делом было у греков умение говорить публично. Каждый мужчина, вступающий в совершеннолетие, произносил политическую речь перед людьми своего круга. Сократ разбирал не отдельных авторитетов. Подобно чеховскому злоумышленнику, он разбирал рельсы, по которым движется поезд, называемый *community*. Базовые ценности – это не то, о чем поминают всуе. Их природа сакральна, рассуждение – процедура, им не адекватная. В этом смысле религия есть начало или *фундамент культуры*. Базовые ценности человек обретает в мистическом опыте или в состояниях, близких к мистическим. Здесь закладываются *пред-разумные* установки, определяющие поведение человека. Их можно называть *верой, предельным интересом, идейной позицией* или как-то еще. От этого не меняется их суть и назначение – *облагородить* сознание и человека вообще. Подлинная культура в корнях своих религиозна.

Философия, т.е. рассуждение, появляется как стремление *понять*. Здесь ценности как бы взывают к их рациональному обоснованию. Разум вступает в свои права. Но насколько эти права законны, точнее, какова область их юрисдикции? Разум в определенном смысле – *надстройка*. Когда есть цель, ищутся средства. Этот поиск – прерогатива разума. Между тем чем больше у человека смелости обсуждать некоторую базовую ценность, а не искать средства для достижения цели, тем менее она для него – *ценность*. Например, верующий не нуждается в доказательстве бытия Бога. По-видимому, все доказательства этого рода придумали еще не обращенные интеллектуалы. Возможно, это помогало им обратиться. Подлинные ценности, повторюсь, не поминаются всуе. Это житейское наблюдение указывает на их пред-разумную природу. Вот что взялся разбирать Сократ. Насколько это опасно, видно из того, чем кончилось дело. Но Сократу не понять, что происходит в суде. И обвинителям не понять. И судьям не понять. Это дано понять нам, оказавшимся волей судьбы здесь в эпоху заката *рациональности*. Рациональность, поскольку она укоренена в сознании *индивида*, нечувствительна к интуиции *согласия*, конституирующей *community*.

Значение “отрицательной логики”. Не тривиальный, надеюсь, сюжет с Сократом привлечен мной с одной единственной целью – подчеркнуть особый статус, как говорят, *последних вопросов*. Эти вопросы находятся за пределами *рассуждений*. Там царят абсолютные регулятивы. Если допускаются туда рассуждения, базовые ценности перестают быть абсолютными и становятся предметом торга. Но в таком случае всегда найдется цена, достаточная, чтобы их обесценить. Так возникает *утилитаризм*. Так допускается право *преступить*, к которому путем рассуждений пришел однажды недоучившийся на юриста персонаж Ф.М.Достоевского. Так что ценности укореняются иным путем, не рассуждениями. И охраняются они не рассуждениями. Для них опасны рассуждения даже в форме *апологетики*. На этот счет есть занятное суждение, прямо-таки перл диалектики: “восхищение начальством – это образ мысли, в самой сущности которого допускается возможность не восхищения оным. Следовательно, за восхищение начальством надобно карать” (неточная цитата из М.Е.Салтыкова-Щедрина).

И все-таки ценности существуют не только в экзистенциальной, но и в рациональной форме. Тогда, в целях их упрочения, возможна критика, напоминающая военные маневры, критика как *игра*. Ее могут позволить только умные и уверенные в силе доктрины идеологи. Идеологи коммунизма позволить это не могли. Хорошим примером такой игры являются средневековые *disputatio*. Они практиковались не только в научной среде, но и в школах. Профессор прочитывал место из авторитетного источника, давал общепринятый комментарий тексту, а затем предлагал слушателям оспорить предложенное толкование. На таком диспуте молодой Абельяр опроверг знаменитого профессора Вильгельма из Шапо.

В конце XIX в. Дж.Ст.Милль вспоминает о средневековых диспутах и сожалеет о том, что “теперешний способ воспитания” не использует ничего подобного. Позволю себе

привести пространную цитату. “Теперь в моде относиться с небрежением к отрицательной логике, т.е. к той логике, которая ограничивается указанием слабых сторон теории или ошибок практики, но сама не приводит ни к каким положительным истинам. Такой отрицательный критицизм не может, разумеется, служить конечной целью, но как средство для достижения положительного знания или убеждения, которое бы заслуживало называться убеждением, он неоценим, и пока люди опять не будут систематически проходить через школу этого критицизма, до тех пор не много будет у нас великих мыслителей и не высоко поднимется средний уровень умственного развития” [4, с.278].

И. Кант: критика как наука. Дж. Ст. Милль упоминает о двух исторических формах критики – древнегреческой диалектике, образовавшей *Socratici viri*, и средневековых *disputatio*. Кант не упоминается. А между тем благодаря именно Канту, критическое мышление обрело статус научного метода. Здесь уместно высказать соображение относительно самого этого термина – “критическое мышление”. Это – специфический термин, если иметь в виду современную литературу по проблемам образования. Им обозначают подход, расширяющий предметное поле формальной логики. Считается, что “критическое мышление” призвано усовершенствовать ее преподавание. Ясно, однако, что сама логика имеет дело с довольно простой *моделью мышления*. Приходит на память случай из жизни. Когда-то я читал лекции по логике в аудитории, где до меня проходила лекция по антропологии. Из помещения всякий раз выносили человеческий скелет. Я говорил студентам, что логика – это наука о *мышлении*, а передо мной преподаватель говорил, по-видимому, что антропология, которую он преподавал со своим жутковатым наглядным пособием, – это наука о *человеке*. Между тем мы оба имели дело с крайне простыми моделями: логика говорит о мышлении столько же, сколько скелет о человеке.

Создается впечатление, что “критическое мышление” появилось, как черт, выскочивший из табакерки. Если и объясняют его происхождение, то красивой метафорой – “ответ на вызов времени”. А вызов-то прозвучал давно, не в наше время. Только теперь дошла очередь до логики. “Критическим мышлением” она наконец откликнулась на *критику* как широкое движение в европейской культуре, которое известно прежде всего своим драматическим воплощением – Французской революцией. Началось же оно, пожалуй, с Ф. Бэкона и Р. Декарта, хотя “великое восстановление наук” в то время с критикой не отождествлялось. Уже после Революции будет сказано: “Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все” (Кант). Это значит, что *все* должно подлежать *испытанию разумом*. И сам разум прежде всего. То, что Кант сосредоточился на разуме, на его эпистемологических возможностях, не означает сужения сферы критики. У него была своя задача – подготовить условия для *научного* построения метафизики. Критике же действительно подлежало все. “Религия на основе своей святости и законодательство на основе своего *величия* хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым испытанием” [5, с.75]. Понятно, почему взяты здесь религия и законодательство. Это – базисные формы порядка: речь идет о *власти* – светской и духовной.

Кант определил критику как *третий путь*. Первые два – это *догматизм* и *скептицизм*. Можно представить дело иначе: догматизм, скептицизм и критическое мышление суть три этапа в эволюции разума. Догматизм – это пользование разумом в его “детском возрасте”. На этом этапе господствует иллюзия продвижения в познании с опорой на принципы, давно применяемые разумом без предварительной критики его возможностей. Догматизм – необоснованное притязание, но *догматический метод* – необходимый элемент научного познания: “наука всегда должна быть догматической, т.е. должна давать строгие доказательства из верных априорных принципов” [5, с.98]. Скептицизм – это второй этап, когда благодаря *цензуре* фактов разума возникает сомнение в его возможностях. И наконец на этапе критики точно устанавливаются *права* человеческого разума.

От критики разума к критике бытия. Революцию начинают интеллектуалы, порой

не понимая, что они начинают. Они не ведают, что творят, т.е. не представляют себе последствий той деятельности, которая начинается как чисто словесная или, на языке самих интеллектуалов, – *теоретическая*. Когда *теоретик* Кант утверждает, что критике должно подчиняться все, включая *религию* и *законодательство*, он вряд ли понимает, в каком виде эта мысль явится не привыкшему к глубоким рассуждениям *практику*. Об этом удивительном феномене коммуникации узнали теоретики уже в XX веке. После того как поняли, что единство разума – очень сильная абстракция, что мысль теоретика претерпевает в голове практика странные метаморфозы и становится оправданием таких дел, о которых теоретик не думал и которых вовсе не желал. Особенно неожиданным для теоретика оказалось то, что эта мысль оборачивается против него самого банальным физическим насилием.

Кант обронил мысль о тотальности критики в примечании, мимоходом. После трех его “Критик” появились иные “Критики”, более приближенные к повседневности. Стали входить в моду призывы к “революционному преобразованию мира” и к критике культуры с ее условностями и “предрассудками”. В России ярким критиком такого рода был Лев Толстой – человек “недостаточно умный для своего гения, или слишком гениальный для своего ума” (Д.С.Мережковский). Аттестация эта весьма точная, если вспомнить поразительное “опрощение” Толстого в его критических высказываниях о науке, искусстве, церкви и государстве. Это – “учение, ни с чем несравнимое по враждебности к обществу” (Л. Мизес). В 1914 году Д.С.Мережковский писал: “из толстовского анархизма никакой революции не выйдет”. Но кто измерит вклад толстовства в тот процесс расшатывания основ, который завершился спустя всего три года приходом к власти коммунистов? Всякую революцию предваряет мощная критика базисных ценностей общества. Сама революция – последний акт этой атаки.

Либерализм и коммунизм – две формы критики бытия. В XX веке укрепились мысль о критике как перманентном интеллектуальном процессе. Критика утратила характер предварительности, стала *формой существования* мысли, ориентированной на изменение бытия. Можно предположить, что поразительная по интенсивности экономическая, политическая и социальная динамика последних десятилетий вызвана именно этим. Здесь уместно заметить, что “kritikz” и “krisis” – понятия из одного ряда. Это – судебная терминология древних греков. “Критика” – разбирательство, “кризис” – приговор. Есть что-то символическое в том, что *кризисы*, о которых говорят, что они *разражаются*, суть приговоры, выносимые Историей человечеству за необузданность в стремлении к переменам и новациям. Словом “критический” характеризуется предкризисное состояние. Термин “критическая масса” – с легкой руки ученых-естественников получило широкое распространение за пределами атомной физики. В немецкой традиции после отдельных “Критик” критической объявила себя сама *теория общества* (Франкфуртская школа). У Карла Поппера рационализм – основной стиль философствования эпохи, продолжающейся с Нового времени – прибавил к себе знаковое уточнение “критический”. В советской философии термин “критика и самокритика” обозначал новую категорию, в словарях ей отводилось больше места, нежели иным классическим категориям. Правда, предполагала она не столько усовершенствование собственного мышления, сколько выявление противоречий и недостатков, а также публичное самообличение, как говорили, “разоружение перед партией”. Все это – действительно символы уходящего века. Задетостью критикой отмечены все известные ему идеологии. В этом они едины и приходится различать их по дополнительным критериям. Этим, например, занимался К.Поппер, развивая свою теорию *социальной инженерии*.

Впрочем, сам К.Поппер считал, что дело не в дополнительных критериях. Либеральная идеология отличается от коммунистической в принципе. Только первая рациональна и подлинно критична, вторая же основана на подавлении разума насилием. Либерал, приступая к реформам, старается избавить людей от очевидных несчастий, коммунист стремится непременно их осчастливить. *Устранить*, а не *привнести*, *опровергнуть*, а не *подтвердить*

– в этом проявляется общая методология либерализма. Ошибок легче избежать, если формулировать основные ценности, принципы и решения в *негативной* форме. Так должно вести себя правительство в демократическом обществе – не указывать людям *цели* в позитивных суждениях, а вводить запреты на применение определенных *средств* и совершение определенных *действий*. При таком режиме общество развивается как открытая самоорганизующаяся система. Действуя в пределах определенных границ по своему разумению, индивиды находят наиболее адаптивные технологии и формы поведения. Имея в виду эту *отрицательность*, можно утверждать, что критика имманентна самой сути либерализма. Но не в виде рациональных процедур, а примерно так, как действует отбор в ходе эволюции живой природы. Эта *естественная* критика не является критикой *человеческой*. Здесь в действительности царит традиция.

Преобразование социального бытия в духе коммунизма К.Поппер называет *утопической инженерией*. Здесь, в отличие от *piecemeal engineering*, предполагающей *ситуативность*, т.е. локальные действия, измысливается конечная политическая цель или идеальное общество в целом, а затем предпринимаются кардинальные меры по деструкции оснований существующего общества. Тем не менее мотивом и той и другой деятельности является критическое отношение к бытию. Все дело в *масштабе* критики.

Можно утверждать, что сама идея *piecemeal engineering* появилась в ответ на революционные движения первой половины XX века. В этих движениях была воплощена тотальная критика бытия, начавшаяся с эпохи Просвещения. Она же обеспечила и переход от *закрытого* (феодального) общества к *открытому* (капиталистическому). “Такой переход имеет место тогда, – пишет К.Поппер, – когда социальные институты впервые сознательно признаются продуктами человеческого творчества и когда их сознательное изменение обсуждается в терминах их пригодности для достижения человеческих целей и намерений. Если выразить то же самое менее абстрактно, то можно сказать, что закрытое общество терпит крах, когда благоговение, с которым воспринимается социальный порядок, сменяется активным вмешательством в этот порядок и сознательным стремлением реализовать собственные или групповые интересы” [6, с.364]. Но разве не в этой манере мыслили идеологи тоталитаризма, пришедшие к власти в России в 1917 году? Они давно расстались с благоговением и весьма активно вмешивались в социальный порядок, предварительно подвергнув критике и представив как орудия зла частную собственность, рынок, деньги и другие социальные институты. Чтобы отмежеваться от тоталитаризма, К.Поппер и разделил понятие “социальная инженерия” на два вида – *piecemeal engineering* и утопическую инженерию.

Другое основание *piecemeal engineering* – развитая К.Поппером идея *погрешимости* (*fallibility*) человеческого знания. Постулируется вообще-то банальная вещь: человек – существо ошибающееся, не ошибаться человек просто не может. А если это так, то не может быть принят ни один проект преобразования общества в целом. Чем глобальнее проект, тем тяжелее последствия ошибки при его реализации, а ошибка неизбежна. Таким образом, *piecemeal engineering* буквально следует из идеи погрешимости.

Интерпретирующий разум несовместим с критическим. Мало кто обращает внимание на юридическую лексику “Критики чистого разума”. И.Кант утверждает, что предпринятая им критика чистого разума – это *суд над разумом*, который учредил сам разум. “Критика... создает нам спокойствие правового состояния, при котором надлежит вести наши споры не иначе как в виде *процесса*” [5, с.625]. В конце этого процесса не *победа*, как в “естественном состоянии”, а *приговор*. Задача заключается в том, чтобы в ходе (юридического) процесса точно установить *права разума*. На замечание – “нельзя быть судьей в своем деле” – И.Кант, по-видимому, ответил бы так: “Выше разума нет судьи, поэтому разуму приходится судить самого себя”. Позже Гегель заявит, что кроме разума вообще ничего нет: “То, что судить самого себя”. Судить в указанном здесь смысле – исключительная прерогатива философии. Поэтому, продолжает И.Кант, после вынесения приговора, т.е. установления прав разума, философ становится *законодателем* разума. Математик, естествоиспытатель, логик

суть *виртуозы* (*Vernunftkünstler*) или искусные пользователи разума. Философ же – учитель, руководящий всеми ими и пользующийся ими “как орудиями для содействия существенным целям человеческого разума” [5, с.684-685].

Проницательный З.Бауман, читая И.Канта, усмотрел в этой лексике не просто обращение талантливого писателя к юридическим метафорам, а прямое связывание *знания* и *власти*. Оказывается, что главная “Критика” была адресована не только, (а, может быть, не столько?) философам, но и правителям. Разве случайно посвящение книги министру Цедлицу, которого А.В.Гулыга в своей книге о И.Канте аттестует так: “копия своего монарха, маленький просвещенный деспот”. Наведение *порядка* интеллектуального, т.е. борьба со скептиками – виновниками *анархии* в умах, сопрягалось с наведением порядка социального. “Философы и правители “модерна”, – пишет З.Бауман, – были прежде всего законодателями. Они обнаружили хаос и поставили перед собой задачу обуздать его и заменить порядком” [7, с.49]. З.Бауман показывает, как участвовала в этом классическая социология. Она боролась с сознанием, “скандально не признающим разума”. “Во-первых, социология взяла на себя критику здравого смысла. Во-вторых, она взялась за конструирование схем социальной жизни, относительно которых можно было эффективно выявлять отклонения, недозволенные формы поведения и все такое, что с системной точки зрения выступало как проявление социального беспорядка” [7, с.50]. Социология эпохи постмодерна руководствуется стратегией *интерпретирующего разума*. Ее задача – не служение командным и охранительным силам, а помощь людям в том, что З.Бауман называет “беседой и поиском согласия” – определяющими чертами *community*. Сама *community* – последний приют изверившегося индивида. Для него, вконец утратившего веру в абсолютную истину и универсальность, *community* представляется типом общежития, сменяющим классическое государство с его как будто бы онтологически обоснованной системой законодательства и аппаратом принуждения. По-видимому, в чистом виде *community* в современном обществе представлена семьей и небольшими религиозными общинами.

С воцарением интерпретирующего разума критика теряет смысл. На критику решается тот, кто стремится перестроить противостоящий ему объект, привести его в соответствие с *должным*. Интерпретирующий разум согласен принять *Другого* таким, каков он есть. Он желает только *понять*, и проявить участие.

И снова плюрализм. Впору вернуться к могильщику критики. Принцип плюрализма способствует замене законодательного разума на интерпретирующий и исключает *конфликт интерпретаций*. “А я так вижу!” – это уже не каприз эпатирующего публику художника, а выражение когнитивной позиции, которая становится подлинной позицией *рассмотрения*. Перцептивная терминология проникает в последнюю крепость рациональности – в философию науки. *Vision* становится одним из центральных ее понятий (Т.Кун, П.Фейерабенд). К плюрализму вела и вся история “сознания”. Для Р.Декарта это – “сознание вообще”, *Cogito*, или даже субстанция. Далее появляется *субъект*, но единственный – *трансцендентный* у Канта, *абсолютный* у Гегеля и т.п. Сегодня субъект занял *позицию*. Отсюда главная задача – не достижение адекватности знания, а поиск правил соответствия или согласование различных *vision*. Критике уже нет места.

Впору вернуться и к категории *ценности*. Критика есть там, где есть ценности, объявляемые общественными, а лучше – *общечеловеческими*. Критика в привычном – воспитательном и увещательном смысле – это мягкая репрессия, направленная на интеллектуальных и земных девиантов. В опасных случаях она обращается в преследование *по закону*. Эти законы, как представлялось, диктуют философы и правители, каждый в своем уделе. Но после ввода в оборот принципа “*Anything goes!*”, интеллектуальная девиация лишилась смысла. В земных делах законы, конечно, остаются и даже суровеют. Однако они утрачивают моральное измерение. Это уже – не форма *жесткой* критики, и не средство социализации. Можно сказать, что здесь тоже “*Anything goes!*”, но за определенную плату. Уголовный кодекс – не что иное, как *прейскурант*. Запретов нет, есть только *цена*. Элизабет Тэйлор обратилась в суд с требованием запретить демонстрацию фильма, в котором иска-

жались, как она считала, некоторые факты ее биографии. Вердикт судьи был таким: он не может запретить фильм (нарушается первая поправка к Конституции), но готов каждый раз удовлетворять иск оскорбленной знаменитости.

С правом на собственное *видение* уходит в прошлое абсолютность и, так сказать, истинность *нормы*. Ибо норма – это групповое восприятие реальности. Отсюда равенство индивида и группы как субъектов критики. Индивид, стало быть, может не считаться с мнением группы. Простую формулу “коллектив всегда прав” приходится оставить в прошлом. Пока это равенство индивида и группы существует только в идее, как бы витает в воздухе, людей, эту идею разделяющих и соответственно действующих, именуют *диссидентами*. Этимологическая археология, вскрывающая слои латыни: *dissident*? *dis-sideo*? *sedeo*, приводит нас к смыслу “сидеть в стороне”. Сидеть себе *там* и смотреть на суету мира. И высказывать собственные соображения, ни сколько не сообразуясь ни с чьим мнением. Не придерживаться господствующей религии или идеологии. Занимать позицию *стороннего лица*. А еще точнее, быть *иноком*. Не в церковном, впрочем, смысле, а в светском – быть способным видеть и жить *иначе*, чем все. Так вот, в открытом обществе, в том, которое еще только мыслится, *диссидентство* или *иночество* теряет смысл, ибо становится фактом повседневности. Говорят, в Америке не знают, что такое либерализм. Понятно, это знают те, кто прожили в феодализме или социализме.

Стороннее лицо, гражданин Вселенной – такая позиция не может быть занимаема каждым. Большинство людей включены в структуры с формальными статусами. Каким образом, оставаясь лицом *должностным*, иметь все-таки возможность иногда “сидеть в стороне”? Для этого, говоря словами И.Канта, должно быть свободным “*публичное пользование собственным разумом*” [8, с.29]. Оставаясь при должности человек (священник или офицер, например) обязан говорить и делать то, что положено. Это – *частное* применение разума. Однако “как ученому” ему нельзя запрещать делать глубоко продуманные критические замечания о сфере, где он подвизается, т.е. публично высказывать свои мысли по поводу несовершенств в этой сфере. При частном употреблении разума индивид имеет дело с ограниченным сообществом. В качестве ученого он обращается к “настоящей публике”, к “миру” и говорит от своего имени. Это обозначение позиции стороннего лица выражением “как ученый” существенно. Речь у И.Канта идет о Просвещении, которое трактуется им как “выход человека из состояния своего несовершеннолетия” или неспособности пользоваться собственным разумом. В этом смысле только люди науки могли считаться совершеннолетними. Сегодня, чтобы сметь мыслить самостоятельно, не обязательно надевать мантию ученого. Вообще граница между профессионалом и дилетантом сознательно стирается. Любопытно, что у И.Канта уже имеется понятие политического плюрализма. В “Антропологии” он начинает с рассмотрения самосознания и эгоизма. И подводит итог следующим высказыванием: “Эгоизму можно противопоставить только *плюрализм*, т.е. образ мыслей, при котором человек рассматривает себя и ведет себя не как охватывающий в своем *Я* весь мир, а только как гражданин мира” [8, с.360]. “Миром” И.Кант называет здесь совокупность “всех других существ, находящихся со мной в общении”.

Между тем схема И.Канта не реализована до сего дня. Интерес корпорации, понимаемой в широком смысле, остается доминирующим. Свобода обращаться к “настоящей публике” и говорить от собственного лица, как правило, не осуществляется. Это, собственно, - проблема *прав человека*. И продвижение в ее решении невозможно без существования *внекорпорационных* структур, обладающих способностью принуждать. Такой структурой всегда являлось государство. Сегодня ситуация существенно меняется. Появляются способные принуждать союзы государств. При этом классический аргумент “невмешательства во внутренние дела” оказывается под вопросом. Ибо в эти “внутренние дела” включается обычно и то, что на самом деле суть нарушения прав человека. Эти дела известны. Дела Сталина, Пол Пота и целой вереницы диктаторов. Они не терпят вмешательства в свои дела, потому что все их дела – вмешательство в жизнь человека. В известной Декларации

государства призываются охранять права человека властью закона, дабы человеку не приходилось "прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения". Новизна ситуации в том, что теперь охрану прав человека, *где возможно*, могут взять на себя международные организации.

Здесь стоит сделать одно обобщение. Смена приоритетов, т.е. выдвижение прав человека на первый план, не прихоть нынешних политиков, которые, отбив у власти положенный срок, уйдут на покой. Это – *явление*, имеющее теоретические и культурно-исторические предпосылки. Впрочем, в теоретическом отношении ничего нового здесь нет. Перед нами элементарное следствие доктрины либерализма. Между тем складываются условия, при которых возможен перевод этой доктрины в практический план. И поэтому можно сказать, что мы присутствуем при историческом сдвиге. Парадигма прав человека становится практически истинной. Она приходит на смену идее естественного права, сменившей в свое время идею права божественного. Можно также утверждать, что мы имеем дело с еще одной формулировкой фундаментального принципа, которым ограничивается власть политической корпорации. Бог, Природа, Человек – такова историческая последовательность инстанций, задающих этот принцип. Мы начинаем жить в эпоху Человека.

На первом плане анализ предложений Итак, плюрализм означает отказ от критики в сфере идей, взглядов, мнений, признание самодостаточности различных *повествований*. Каждый предлагает миру продукты своей интеллектуальной деятельности с надеждой, что предложение будет принято. Это либо происходит, либо не происходит. Фигура критика, откликающегося на продукт и играющего роль рекламного агента или представителя конкурирующей фирмы, становится излишней: разберутся без него. При этом должен действовать принцип, обеспечивающий цивилизованную конкуренцию: предлагай свое, и не порочь чужое.

Между тем человек в современном мире погружен в океан самых разнообразных *предложений*, по которым он вынужден принимать решения. Изобилие означает превышение предложений над спросом. Дефицитом становится сам потребитель. Развертывается борьба за *клиента* – зрителя, избирателя, покупателя, инвестора и т.д. Но за его спиной уже нет инстанции, гарантирующей правильность выбора. Ему самому решать, и ему же отвечать. Его решение и есть оценка предложения. В последствии она может быть изменена, скажем, в худшую сторону. Тогда возникает конфликт, разрешаемый, как правило, по принципу "клиент всегда прав". Не потому, что он действительно прав, а из соображений заботы о *лице предлагающей инстанции*.

Именно этот факт – многообразие нетривиальных, и, стало быть, рискованных предложений, превышающих спрос, ставит человека перед необходимостью трансформировать свое мышление, сделать его критическим. Быть критичным, не значит быть *подозрительным*. Без доверия, как показал Ф.Фукуяма, невозможна экономическая жизнь. Речь идет о презумпции *погрешимости*, которая стимулирует тщательный анализ ситуаций. Основной обязанностью человека становится обязанность *знать*, уметь получать знания и совершенствовать свое мышление. Быть критичным, не значит критиковать предложения. Это значит – подвергать критике собственные решения как возможные.

Люди, мыслящие системно, детерминистически, не могут адаптироваться к сложному миру предложений, а точнее, к многообразным мирам. Эти миры продолжают восприниматься как *мир*, хорошо спланированный и организованный. Отсюда объяснения социальных явлений через *замыслы* заинтересованных кругов или лиц. Многообразные предложения оцениваются как многообразные только по виду. На самом деле, считают такие люди, есть одно хорошо продуманное предложение, и обязательно либо добродетельное, либо гнусное. Это *мономышление* не что иное, как *идеология*. Между тем именно многообразие качественно меняет ситуацию. При многообразии идеологий индивид получает возможность вообще *выйти* из под власти идеологии. При многообразии точек зрения легче выявить суть дела. В этом смысле много неправд лучше одной "Правды". Человек с одномерным мышлением мечется между простодушным доверием и тотальной подозрительностью. Если же признается

многообразии независимых предложений, возникает задача оптимизации выбора. Здесь-то и необходимо критическое мышление.

Сегодня практически любое предложение первоначально предстает в виде *информации* о предложении. На самом деле человек анализирует не сами ситуации, а *тексты*. Здесь должно осуществляться то, что называют *внимательным чтением*, то о чем на Западе читают университетские курсы. Это – более широкая область, нежели критическое мышление. Всякая эпоха предлагает свое определение человека. По-видимому, мы вступаем в эпоху, в которой популярным станет определение Homo legens (человек читающий). Разве случайна универсализация герменевтики, обретение ею статуса рефлексии вообще?

Несмотря на давление средств передачи информации в форме чувственных образов, *слово* (и стало быть, *чтение*) продолжает оставаться доминирующей формой коммуникации. Подтверждением является то, что создание этих новых средств основано на принципе *текста*. И тем не менее чувственное теснит рациональное. Эта тенденция изначально вызвана, по-видимому, чисто технической потребностью – повысить скорость передачи сообщений за счет высокой информационной емкости образа. Однако в социо-культурном плане уже замечены опасные последствия. Образ непосредственно воздействует на эмоциональную сферу сознания, появляется возможность манипулировать общественным мнением. Изохронные PR-технологии основаны именно на этом. Разумеется, конечная цель воздействий такого рода – манипулировать поведением людей. Поэтому критическое мышление с неизбежностью появляется как средство защиты сознания, как условие для самостоятельного принятия решения. Эмоциональные предложения надлежит переводить на рациональный язык, чтобы выявить их подлинную прагматику.

Заключительные соображения. Еще в одном определении критика может быть представлена как *способ коррекции поведения*. В культуре модерна, т.е. при четком различии субъекта и объекта, критика предстает в виде социального отношения – как право вершить суд. Речь идет об управлении. В наиболее простом виде это отношение просматривается там, где присутствует *господская власть* в смысле Аристотеля. *Дом* зиждется на этой власти. С одной стороны – муж, он же отец и господин, с другой – жена, дети и рабы. Теоретически критика, или *суждение*, оправдана здесь в силу *интеллектуального* неравенства. Власть осуществляется во благо существам более низкого уровня. В пространстве *полиса* положение принципиально иное. Политическая власть не дает права на монополию критики. Более того в подлинно демократическом государстве происходит обращение того отношения, которое складывается в *доме*: власть находится под огнем критики со стороны общества. В самом же обществе царит тотальная критика в виде сутяжничества, когда “работники судятся с работодателями, студенты – с преподавателями, налогоплательщики – с бюрократией, а друзья – с друзьями” [9, с.220]. Можно сказать, что в таком обществе произошла полная демократизация критики. Это, как ни странно, – показатель вождельного Просвещением равенства. А что дальше? Или какая еще возможна модель *общезития*, кроме дома и полиса (семьи и гражданского общества), и какое состояние критики ей соответствует? Такая модель известна, она уже упоминалась. Это – *community*. Уместно здесь обратить внимание на христианский вариант этой модели, или, иными словами, стоит для полноты картины привлечь к нашему рассмотрению теологическую аргументацию.

“Не судите, да не судимы будете” (Мф. 7, 1). Считается, что это – одно из труднейших для понимания изречений Христа. Впрочем, трудности здесь скорее политического, нежели лингвистического порядка. Приложено много усилий для доказательства того, что это изречение не относится к суду как юридическому институту. Отсюда огромная комментирующая литература и видимость трудности. Для нашего рассмотрения это изречение важно как теологический аргумент против критики *Другого*. Не надо лингвистических тонкостей. Сказано: “Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить: а ты кто, который судишь другого” (Иак. 4, 12). Вот именно – а ты кто? Ты, который “смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазу не чувствуешь” (Мф. 7, 3). По самой сути христианского учения критика должна быть направлена *на себя*. Цитируемый в начале

статьи Р.Пауль говорит о том же: цель критического мышления – улучшить собственное мышление, адаптировать его к мышлению других. В поисках *community* иного пути нет. Критическому разуму – родному брату разуму законодательного, пора это понять.

Литература:

1. Платон. Государство: В 3 т. – М., 1964, – т.3.
2. Иосиф Бродский: труды и дни. Составители Лев Лосев и Петр Вайль. М., 1999.
3. А.Тягло, Т.Воропай. Критическое мышление. Харьков, 1999.
4. Дж.Ст.Милль. О свободе. – С.П., 1906.
5. И.Кант. Соч. в 6-ти томах. – М., 1964. – т. 3.
6. К.Поппер. Открытое общество и его враги. М., 1992, – т. 1.
7. З.Бауман. Философия и постмодернистская социология // Вопр. философии, 1993, № 3, – С.49.
8. И.Кант Соч в 6-ти томах. М., 1964, – т.6.
9. Л.Фридмэн. Введение в Американское право. М., 1993.

НАРКОМАНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

The paper deals with the topic of complex study drug addiction's problem. Such complex approach was applied in the international scientific project "Dynamics and social cultural mechanism of drug's spreading in youth environment". The main principle of the project is the combinations of qualitative and quantitative methods in the research of drug's spreading process.

У статті йдеться про актуальність і необхідність комплексного вивчення проблеми наркоманії. Такий комплексний підхід був застосований у межах міжнародного науково-дослідницького проекту "Динаміка і соціокультурний механізм розповсюдження наркотиків у молодіжному середовищі після другої Світової війни". В основі концепції проекту полягає поєднання якісних та кількісних методів вимірювання процесу розповсюдження наркотиків серед молоді.

Ключевые слова: наркомания, аддиктивное поведение, распространение наркотиков, молодёжь.

Проблема аддиктивного поведения вообще и наркомании в частности – по своей природе комплексная проблема. Она имеет несколько аспектов. Среди них можно выделять медицинский, психологический, юридический, социальный... Нас, ни в коем случае не умаляя значение остальных аспектов, интересует именно социальный аспект этой проблемы. До сих пор он остается недостаточно разработанным.

Наркомания сегодня рассматривается как социальная патология, принадлежащая к глобальным проблемам современности. Социологическое изучение наркомании позволяет раскрыть латентные социальные механизмы, лежащие в ее основании. Социологический подход к исследованию наркомании позволяет:

- выявить социокультурный механизм приобщения человека к наркотикам;
- определить социокультурные факторы, способствующие и препятствующие возникновению и развитию наркотической зависимости;
- выявить основные тенденции развития наркомании как особой, главным образом молодежной, субкультуры;
- выяснить отношение различных групп населения и социальных институтов к проблеме наркомании, а в особенности – к проблеме потребления наркотиков;
- проанализировать мотивы потребления наркотиков среди различных групп населения.

Такой подход, на наш взгляд, может послужить теоретической базой при разработке комплексной программы профилактики потребления наркотиков (и других аддиктивных веществ) у молодежи. Подобная комплексная программа должна существовать в форме *социальной технологии* профилактики аддиктивного поведения, и включать в себя все аспекты этой проблемы (биопсихосоциальный подход). Это обусловлено тем, что частные, узкоспециализированные подходы (юридический или медицинский) показали слабую эффективность в условиях эпидемического распространения наркотиков. Именно социологический подход в силу своей комплексности должен быть положен в основу социальной технологии профилактики аддиктивного поведения.

Актуальность проблемы профилактики наркомании обусловлена целым рядом факторов: социальных, экономических, психологических и биологических. Сегодня специалисты не испытывают колебаний в оценке наркологической ситуации – распространение наркомании

Соболев Василий Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры прикладной социологии Университета внутренних дел (г. Харьков) (т.: (0572) 64-17-02; e-mail: vasob@spf.univd.kharkov.ua)
Сердюк Алексей Александрович – адъюнкт кафедры общей социологии Университета внутренних дел (г. Харьков) (т.: (0572) 66-03-43)

в Украине приняло эпидемический характер, охватило всю территорию страны, особенно южную ее часть. И, что вызывает особую тревогу, образовался криминальный рынок наркотиков на уровне организованных преступных группировок. Должностные лица ОВД и здравоохранения считают, что в стране уже существует наркомафия [1, с.8]. Профилактика наркомании, как считают некоторые ученые [2, с.93], является вопросом национальной безопасности и обеспечения выживания нации.

В последнее время социологи усилили внимание к проблемам наркомании, но оно сосредоточено на частных вопросах. Так, Я.И.Гилинский в основном акцентирует свое внимание на остроте проблемы, А.А.Габиани [3] интервьюировал наркоманов, проходящих лечение в стационаре. Некоторые российские исследователи предпринимают попытки комплексного анализа этой проблемы [4], однако, до сих пор комплексный подход к социологическому анализу наркомании не был применен в должном объеме.

Впервые в Украине, под эгидой фонда "INCO-COPERNICUS", в рамках международного научно-исследовательского проекта *"Динамика и социокультурный механизм распространения наркотиков в молодежной среде после второй Мировой войны"* был применен на практике комплексный подход к изучению наркомании. В разработке проекта принимали участие ведущие ученые и практики. В проекте принимают участие несколько университетов Европы.

В основе концепции проекта лежит сочетание качественных и количественных методов измерения таких латентных социальных процессов как распространение наркотиков в молодежной среде. Это методы статистического анализа, массового ретроспективного социологического опроса, мониторингового опроса, транскультурального анализа, углубленного биографического интервью, экспертного опроса и математического прогнозирования. Остановимся подробнее на каждом исследовательском блоке.

Метод статистического анализа (возглавляет группу д.с.н., проф. В.А.Соболев) – В качестве источников поступления информации о распространении наркотиков в Харьковской области использовалась статистика по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, а также медицинская наркологическая статистика. Данной группой была собрана и проанализирована обширная база статистических данных медицинской и уголовной статистики. Ее объем составил 30 лет. Это позволило впервые применить историко-сравнительный метод для анализа распространения наркотиков.

Анализ данных, собранных УОИ УМВД Украины в Харьковской области в период с 1973 по 1998 годы, позволил сделать следующие выводы:

- Как по Украине в целом, так и в Харьковской области прослеживается рост преступлений, связанных с незаконным производством, распространением и оборотом наркотиков от единичных преступлений (2-3 преступления в 1972-73 гг.) до 2796 преступных деяний в 1998г.
- Увеличивается соответственно и число лиц, вовлекаемых в незаконный оборот наркотиков. (из числа выявленных, доля лиц со средним и неоконченным средним образованием снизилась с 87,3% в 1994 году до 76% в 1998 году; доля лиц с высшим и средним специальным образованием возросла за этот период с 16 до 24%; удельный вес рабочих от общего числа колеблется в пределах 15-11%, имея устойчивую тенденцию к снижению).
- Наблюдается устойчивый рост преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.
- Все активнее в процесс незаконного оборота наркотиков вовлекаются подростки и молодые люди в возрасте 18-24 года.
- Преступления, совершенные потребителями алкоголя и наркотиков, носят преимущественно экономический характер (кража личного, государственного имущества, имущества кооперативов, общественных организаций).
- Удельный вес женщин остается постоянным и колеблется в пределах 14-18% от общего числа выявленных. Данные преступления совершаются в основном мужчинами.

Анализ медицинских статистических данных показывает, что как в Украине, так и в Харьковской области параллельно с увеличением числа лиц, страдающих алкогольной зависимостью, отмечается тенденция постоянного роста наркомании. Так, в Украине в 1968 г. состояли на учете 2506 больных, в 1997 г. этот показатель составил 54555 чел. (10,77).

Особенностью Харьковского региона является относительное превалирование прироста злоупотребляющих наркотиками без зависимости и приростом наркоманов.

Распространенность наркомании и токсикомании среди женщин по Украине имеет тенденцию к постоянному росту. Так, с 1440 чел. в 1985г. (0,52), этот показатель к 1997 г. возрос до 11692 чел. (4,31).

Среди подростков отмечается тенденция роста злоупотребляющих наркотиками и психоактивными токсическими веществами без зависимости, что свидетельствует об определенной латентности этого явления. С другой стороны, резкий рост количества подростков, потребляющих аддитивные вещества без зависимости, может свидетельствовать не только о генерализации наркотизма в обществе, но и о проникновении определенной моды на потребление аддитивных веществ в молодёжную субкультуру. Так, количество подростков, употреблявших наркотики без зависимости, увеличилось по Украине в целом с 801 чел. (3,61) в 1991г. до 2065 чел. (9,46) в 1997г.

Особо следует отметить резкое увеличение в последнее время латентности распространенности как зависимости от алкоголя, так и зависимости от наркотических и психоактивных токсических веществ.

Распространенность наркомании в городе Харькове носит очаговый характер, можно проследить пораженность наркоманией отдельных кварталов и даже подъездов. Это подтверждает эпидемический характер распространения наркомании.

Наркомания по-прежнему остается заболеванием главным образом городского населения Украины: более 95% потребителей наркотиков, состоящих на учете – горожане, проживающие либо в областном, либо в районных центрах. Однако на протяжении последних 8 лет отмечалась тенденция к увеличению среди наркоманов доли сельских жителей. Их удельный вес в общей численности наркоманов в Украине возрос с 1% в 1990 году до 4 % в 1997 году и до 5% в 1999г.

Необходимо также отметить, что темпы наркоэпидемии резко увеличились в 1991 году, т.е. тогда, когда в стране начался практический переход к новым формам хозяйствования и общественного устройства, который проходил в условиях всеобщего экономического, политико-правового и нравственного кризиса. Кризис, как известно, вызвал резкое снижение жизненного уровня значительных масс населения, девальвацию и способствовал разрушению прежней системы ценностей и другие неблагоприятные процессы в обществе.

Метод ретроспективного опроса (руководитель группы к.ф.н., доц. И.П.Рущенко) Этот метод основан на предположении, что человеческая память способна удерживать значимые события биографии на протяжении всей последующей жизни. Ретроспективное исследование проводилось с целью компенсировать отсутствие социологических исследований до 90-х годов и реконструировать динамику этого латентного процесса в послевоенные годы. Мы исходили из того, что еще живы и доступны поколения молодых людей 50-х, 60-х, 70-х, 80-х годов. В конце 90-х годов это люди в возрасте соответственно 60 лет, 50 лет, 40 лет, 30 лет (или близко к этим возрастам). Они могут быть источниками информации о событиях своей молодости (школьные или студенческие годы, служба в армии и т.п.). Опрос данных групп позволил получить ретроспективные данные с условным шагом в 10 лет. Выборка была ограничена мужчинами, что соответствовало нашему стремлению получить значимые данные с минимальными затратами. Для получения репрезентативных данных нами было выделено пять выборочных совокупностей по 500 единиц наблюдения каждая, в которые отбирались мужчины соответственно 1935 – 1939 годов рождения, 1945 – 1949г.р., 1955 – 1959г.р., 1965 – 1969г.р., 1975 – 1979г.р. Дополнительным элементом стратификации выборочной совокупности был избран уровень образования. Инструментарий позволил

измерять показатели трех типов: 1) факты поведения (прежде всего, факты аддиктивного поведения); 2) факты сознания (знания, оценки, мнения, суждения респондентов по проблеме наркотиков); 3) факты социального окружения (социальные связи, контакты с людьми, которые являются носителями и передатчиками наркокультуры).

Анализ полученной информации позволил установить:

- Динамику распространения наркотиков среди молодежи за последние 40 лет. Анализ ответов респондентов показал, что имели пробу конкретных веществ в “1959” – 11,4%; “1969” – 11,8%; “1979” – 20,6%; “1989” – 28,7%. В 1999 году – 55,8 процентов молодых людей пробовали хотя бы одно вещество из предложенного списка наркотиков и психотропных веществ.
- Принципиальные различия в отношении к наркотикам и наркоманам между различными возрастными группами, проживающими в г.Харькове в данный момент (чем моложе респонденты, тем они более толерантны к потребителям наркотиков). Данные показывают, что в сознании населения острота проблемы наркотиков непрерывно возрастает и уже превосходит проблему алкоголя. Объективно же социальный (и индивидуальный) вред от алкоголя остается сегодня гораздо выше, чем от нелегальных наркотиков. Мы зафиксировали психологический феномен алармистского сознания, которое более сильно реагирует на новые опасности.
- Уточнить социокультурный механизм заражения аддиктивным поведением среди подростков и молодежи;
- Провести историко-сравнительный анализ полученных в результате опроса данных с данными официальной статистики.

Используя ретроспективный метод для реконструкции динамики распространения наркотиков в Харьковском регионе, мы пришли к нескольким существенным выводам относительно характера и темпов процесса. Проблема наркотиков существовала глубоко латентно и ограничено в масштабах все послевоенное время. Вектор динамики всегда был направлен в сторону увеличения присутствия наркотиков в молодежной среде. В 80-е годы впервые возникла угроза эпидемии, одновременно поменялся характер “заражения” молодежной среды: на первое место вышло широкое распространение каннабиса. Таким образом, сегодня мы имеем эпидемическую ситуацию каннабиноидного типа с массовым вовлечением молодых людей в “субкультуру марихуаны”.

Под руководством В.А.Соболева и И.П.Рущенко регулярно проводится мониторинговый опрос учащейся молодежи школ, колледжей, университетов г.Харькова по уже отработанной методике группового раздаточного анкетирования. Методика предполагает опрос и юношей и девушек и строится на основе комбинированной выборки. Вначале на основании статистических данных генеральная совокупность расслаивается на четыре группы в зависимости от типа учебного заведения: 1) высшие учебные заведения, университеты; 2) средние специальные учебные заведения, колледжи; 3) профессионально-технические училища; 4) средние школы. На втором этапе методом случайного шагового отбора определяется адрес учебного заведения и академическая группа. На последнем этапе – проводится сплошной опрос учащихся в школьных классах или академических группах. Такой метод себя оправдал, прежде всего, из-за возможности проводить опрос в группе, где анкеты обезличиваются уже во время их сдачи социологам. Было осуществлено три мониторинговых опроса харьковской учащейся молодежи с шагом в два года – в 1995г., 1997г., 1999г.

Начало мониторинга пришлось на время, когда приобщение молодежи к нелегальным наркотикам уже приобрело массовый характер и процесс приобрел закономерность “снежного кома”. В 1995г. опрос зафиксировал 22,0% опрошенных, имевших, по крайней мере, 1 пробу аддиктивных веществ из предложенного списка наркотиков, токсических веществ и психотропных препаратов. В 1997г. эта доля увеличилась на 11,6 процентов и составила 33,6%; исследование 1999г. обнаружило, что указанная группа расширилась до 48,8%.

Распространение наркотиков в обществе оценивается как социально-негативный процесс, что накладывает неизбежный отпечаток на информационные потоки и поведение

агентов, являющихся носителями нужной информации. Например, в опросе 1999г. (№=1000) на прямой вопрос "Пробовали ли Вы "вкус" наркотиков?" было получено следующее распределение ответов: "Да" – 31,4%; "Нет" – 66,8%; "Затрудняюсь ответить" – 1,8%. Сортировка анкет по признакам, где есть хотя бы один факт употребления наркотических веществ, дала существенно иной результат: 48,8% респондентов имеют, по крайней мере, 1 пробу!

Опрос зафиксировал рост и косвенных показателей, свидетельствующих о распространении в молодежной среде наркокультуры. Так, положительно ответили на вопрос "Видели ли Вы человека, находящегося в состоянии наркотического опьянения?" соответственно 64,8%, 73,3%, 78,9 процента от числа опрошенных. Доля респондентов, имеющих знакомых, которые употребляют наркотики, в опросах '95, '97, '99 гг. составила: 59,1%, 62,1%, 68,7% соответственно.

В октябре – ноябре 1999г., под руководством И.П.Рущенко и при участии специалистов Дрезденского технического университета, одновременно в Дрездене (Германия) и Харькове (Украина) было осуществлено транснациональное измерение распространения наркотиков. За основу была взята методика социологического измерения, которая разработана в Университете внутренних дел (г.Харьков) для мониторинга распространения наркотиков в молодежной среде. В Харькове (в рамках мониторинга, описанного выше) было опрошено 407 студентов из пяти высших учебных заведений (41,3% – мужчины, 58,7% – женщины), использовался метод группового анкетирования в академических группах, группы отбирались на основе случайного выбора. В Дрездене опрошен 161 студент Дрезденского технического университета (43,5% – мужчины, 56,5% – женщины).

В результате опроса удалось зафиксировать синхронность фаз распространения наркотиков в молодежной среде. Четко прослеживается, что в Германии пройден этап повышенной обеспокоенности проблемой распространения наркотиков, Украина же только вступила в эту фазу. Кроме того, исследование показало отсутствие линейной связи между факторами, влияющими на качество жизни и распространенностью потребления наркотиков. Общим для Дрездена и Харькова является структура нелегальных наркотиков, доступных молодежи: преобладает каннабис (марихуана).

Впервые в исследовании наркотической зависимости у молодежи, под руководством к.с.н. Ю.А.Свеженцевой был применен метод структурированного биографического интервью. Целью исследования являлось углубленное изучение процесса наркотического "заражения", а именно: получение информации о субъективной картине мира наркомана; углубленное изучение социокультурных факторов, способствующих и препятствующих пробе наркотиков; изучение механизма наркотического "заражения"; описание специфических характеристик наркокультуры; изучение специфики судеб людей, употребляющих наркотики.

Объектом исследования были 25 пациентов городской наркологической больницы. Методология заключалась в проведении углубленного интерактивного гибкого интервью с фокусировкой на различные этапы жизненного пути.

Анализ биографических интервью позволил обнаружить закономерности в судьбах опрошиваемых, их наиболее распространенные характеристики, типичные причинно-следственные цепочки событий, а также выделить некоторые типичные судьбы наркоманов. Следует отметить, что характерные особенности детства и юности наркоманов мало отличаются от причин девиантного поведения вообще.

Важную роль в формировании наркомании играло отсутствие внутренней защиты у человека перед употреблением наркотиков, которое выражалось не в убеждении не принимать наркотики, а в отсутствии всяких убеждений относительно наркотиков. Вся информация, которая была у них о наркотиках, – это рассказы знакомых "на микрорайоне" о том, что, например, "джеф" – это вещь. Такой человек – как чистая книга, в которую записывается информация от друзей, приятелей, других людей, случайно оказавшихся в их компании.

Также отмечено, что первая проба – это всегда незапланированный случай, всегда уступка своему желанию, любопытству, или настоятельным предложениям других.

Важные данные о каналах распространения, производства и потребления наркотиков дает метод экспертного опроса (к.с.н. С.Б.Решетняк). По мнению автора этого метода, незаконный оборот наркотиков в современной Украине является известной, но в то же время недостаточно исследованной социальной проблемой, информационный потенциал которой ограничен. В социологическом анализе такого рода проблем особое место занимают экспертные оценки, которые позволяют решать задачи информационного и прогностического уровня.

Методом углубленного интервьюирования нами было опрошено 15 юристов-практиков. Среди них следователи, оперативные сотрудники подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, начальники ОБНОН в г. Харькове и Харьковской области.

В результате были выявлены особенности незаконного оборота наркотиков в Харьковском регионе. За последние годы динамика частоты изъятия практически не изменилась, появилось больше новых препаратов кустарного изготовления и так называемых тяжелых наркотиков (27 случаев изъятия героина в 1999г.). Определены основные регионы-поставщики наркотиков, типичные места совершения преступлений (сбыт и торговля проходят в основном по месту проживания торговцев и наркоманов), типичные формы наркооборота. Все больше происходит вовлечение в наркооборот несовершеннолетних.

В ходе исследования, под руководством проф. С.В.Яковлева был разработан метод математического прогнозирования уровня распространения наркотиков в тех или иных социальных слоях или обществе в целом с целью выработки эффективных решений по профилактике аддиктивного поведения среди молодежи.

Уровень наркомании в Украине непрерывно растет, причем этот рост обладает свойствами тренда, т.е. довольно устойчив. При этом в криминогенной группе населения этот уровень выше, что свидетельствует о существенной взаимной связи двух явлений: наркомании и преступности.

Многофакторный анализ показал, что в последний период справедлива модель, которая характеризует такой фактор как “работа” или “социальное положение” как несущественный, т.е. наркомании подвержены все слои населения. В свою очередь, наряду с преступностью в качестве существенных факторов выступает “возраст” и “учеба”, причем существенное влияние оказывает сочетание этих факторов. Едва ли не максимальное распространение наркомании мы наблюдаем среди подростков, учащихся школ и вузов. При этом, модель не содержит сочетаний этих факторов с “преступностью” как существенных. Это означает, что среди учащейся молодежи, так называемые “преступные наклонности” и наркомания не взаимосвязанные друг с другом явления. Таким образом, высокий уровень распространения заболеваний наркологического типа в молодежной, учащейся среде охватил вполне благополучные слои населения.

Прогнозирование наркотической зависимости среди молодежи на период до 2003г. показывает существование тенденции роста количественных значений данных показателей в Харьковской области и Украине в целом.

Подробно, все полученные нами данные опубликованы в международной монографии “Молодежь и наркотики”, где найдут наши результаты исследований в Украине, Германии и Испании.

Литература:

1. Музыка А.А. Відповідальність за злочини у сфері обігу наркотичних засобів. –К.: Логос, 1998. –324с.
2. Колесников А. Наркомания в России: состояние, тенденции, пути преодоления // Безопасность. Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. – № 11-12, 1998.
3. Габиани А.А. На краю пропасти: Наркомания и наркоманы. –М.: Мысль, 1990. –220с.
4. Наркомания как форма девиантного поведения. Сб. научных работ. М., 1997. –64с.

*Каменская Т.Г., Подшивалкина В.И.***НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

The article is devoted to the sociological problems of image of illegal drugs usage. The usage process of any goods or services in greater part is connected with the images perception. The images can be of two types: produced by the creative process of person's consciousness – referencing images; and the images inducing people for one or another action, and often without realizing – inducing images. Drugs usage image is very contradictory. According to the results of sociological researches among youngsters the data that the drugs usage image is neither referencing nor inducing. It has external locus and it is connected with emotional and sensitive spheres of personality.

Стаття присвячена соціологічній проблемі образу нелегального вживання наркотиків. Процес вживання будь-яких товарів чи послуг більшою частиною пов'язаний із сприйняттям образів. Образи можуть бути двох типів: вироблені творчим процесом свідомості людини – референтні образи; і образи, які спонукають людину до тієї чи іншої дії, і часто без усвідомлення – спонукальні образи. Образ вживання наркотиків є дуже суперечливим. За результатами соціологічних досліджень серед молоді були отримані данні, що образ вживання наркотиків не є референтним і не є спонукальним. Він має екстернальний локус і пов'язаний з емоційно-почуттєвою сферою особистості.

Ключевые слова: образ, образ потребления, молодёжь, наркотики, референтный образ, побуждающий образ.

Проблема потребления наркотиков часто рассматривается либо в рамках юридической, либо в рамках медицинской дисциплин. Вместе с тем, потребление наркотиков является и социальной проблемой. Наркотики с развитием рынка становятся объектом потребительской деятельности и потребительского поведения. Причем, не столько взрослых и платежеспособных, сколько подростков и молодежи, финансово и социально зависимых от старших. Потребительская деятельность основывается на трех образах: образ объекта, образ потребителей и образ процесса потребления [1]. В обществе сформировался достаточно устойчивый отрицательный образ лиц, употребляющих наркотики. Образ потребления наркотиков достаточно амбивалентен и включает в себя как положительный образ медицинского использования наркотиков для облегчения страдания людей, так и негативный образ немедицинского их употребления. Образ потребления наркотиков практически малоизучен.

Образ как социологическая категория

Целый ряд новых социальных явлений, к числу которых можно отнести наркоманию, побуждают социологов к развитию методологических оснований своей науки. В отличие от классической науки современная социологическая мысль все чаще обращается к изучению процессов в их естественном течении, в целостном представлении, и обращается к феноменам, выходящим за рамки только научного познания, включая в себя “до” – и “вненаучные” формы познания. Она все больше переходит от сложных, рафинированных форм человеческого мышления к простым проявлениям повседневной жизни, а также к тому, что сконструировано и создано самими же людьми. Становится очевидным необходимость развития понятийно-категориального аппарата социологической науки, в том числе за счет такого понятия, как “образ”, который все чаще стал использоваться социологами.

Каменская Татьяна Григорьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им.И.И.Мечникова (т.: (0482) 63-76-12)

Подшивалкина Валентина Ивановна – доктор социологических наук, и.о. профессора кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им.И.И.Мечникова (т.: (0482) 63-76-12)

Проблемы “образа” – от образа мира, образа другого, до художественно сконструированного типа, характера личности – присутствует в различных концепциях последнего столетия. В рамках психологического подхода к генезису социума Ч.Кули связывал развитие человека и общества с первыми мысле-формами в виде образов. Несколько иной подход к образу можно отметить у представителей феноменологической школы в социологии, берущей начало от феноменологии Э.Гуссерля. Гуссерль привносит следующее понимание картины мира: “Окружающий мир – это понятие, уместное исключительно в духовной сфере. ...это духовное явление нашей личной и исторической жизни” [2 с.105]. Критикуя психологизм за его ограниченность очевидностью и естественной обусловленностью переживаний, автор считает, что необходимо учитывать различия между реальным и идеальным, истинным. “Истина есть идея, единичный случай которой есть актуальное переживание в очевидном суждении. Очевидность есть переживание совпадения мыслимого с присутствующим, пережитым, которое мыслится” [2, с.307-308]. Это созвучно Веберовскому идеальному типу, который суть отождествление умственных конструкций с самой историко-культурной реальностью [3, с.394].

Разум, по З.Фрейду, это “возничий”, который управляет колесницей, запряженной двумя конями: один из них – дикий, неукротимый, рвущийся идти своим путем (бессознательное человеческой души); другой – породистый, благородный, поддающийся управлению (высшая, идеальная часть души). Сознательное и бессознательное человека действуют по-разному: сознание обрабатывает информацию последовательно, линейно, стремится избежать противоречий. Бессознательное оперирует готовыми образами, допуская противоречия, и не умея объяснить механизма своих операций [4, с.41].

В этой связи мы имеем дело с двойственной природой образа.

Можно говорить о двух типах образов: о референтных образах (представления), выработанных творческим процессом, смыслообразующей деятельностью человека в условиях добровольного отбора информации; и побудительных образах, продуцируемых вовне средствами массовой коммуникации, рекламой, имиджмейкерством, и направленных на людей как на “объекты-мишени”. Цель последних образов – преобразовать формы деятельности индивидов в заданном направлении. При этом процесс преобразования и сплетения в воображении индивида информации, понимания и смысла, совсем не обязателен, требуемое поведение обеспечивается процессами интериоризации.

По принципам формирования, с нашей точки зрения, референтные образы могут быть сформированы преимущественно либо под влиянием импульсов, исходящих из под- и сверхсознания человека (интернальные), либо под воздействием внешних факторов (экстернальные).

Образ потребления наркотиков

Учитывая, что потребительская деятельность по отношению к такому объекту, как наркотик, затрагивает, прежде всего, молодежь, мы попытались изучить особенности этой деятельности у данной категории. Были выделены четыре основных аспекта. Первое, это – локус образа, построенный на внешнем или внутреннем опыте. Второе, – это факторы, побуждающие к потреблению наркотиков. Третье, – факторы, препятствующие потреблению наркотиков. Четвертое – характеристики самого процесса потребления.

В качестве объекта исследования выступала молодежь от 13 до 25 лет, в том числе: школьники, учащиеся ПТУ, студенты вузов города Одессы – всего 322 респондента. Из них 51,2% мужчины и 48,8% – женщины.

Прежде всего, отметим, что формирование образа потребления наркотиков основывается на экстернальном опыте: чаще всего (в 86,0% случаях) из наблюдений за незнакомыми людьми в состоянии наркотического опьянения на улице, на дискотеках и в других местах. 43,2% респондентов видели в таком состоянии либо своих близких друзей, либо сокурсников, соседей по дому. При этом следует отметить, что существующее в Украине законодательство призвано препятствовать публичному употреблению наркотиков, т.е. формированию подобного экстернального опыта широких слоев населения. Только 10,0% респондентов отметили

наличие личного опыта потребления наркотиков. Современная молодежь приобретает опыт потребления наркотиков в качестве "первооткрывателей", не опираясь на опыт родителей. Парадоксальность ситуации в том, что угроза риска попадания в наркотическую зависимость налагает табу на приобретение чувственного опыта, который является органичным завершением образа потребления любого легально рекламируемого товара.

Теперь обратимся к анализу факторов, побуждающих к потреблению наркотиков.

Наиболее распространено среди опрошенной молодежи мнение о том, что первопричинами, толкающими к принятию наркотиков, для обоих полов являются любопытство, влияние друзей, безделье. По мнению девушек, на юношей в первую очередь оказывают влияние друзья.

Значительная часть юношей считает, что к употреблению наркотиков толкает желание выглядеть взрослым, престижность употребления и слабая воля. В то же время, по мнению девушек, наркоманами становятся далеко не безвольные люди.

Следующее значительное расхождение во мнениях обнаруживается по поводу фактора "отсутствие взаимопонимания в семье". Для юношей этот фактор лишь на 7 – 8 месте, для девушек – на 3 месте.

Таким образом, можно сделать вывод, что юноши видят причины попадания в наркотическую зависимость преимущественно в себе, в своем характере, частично в друзьях, которые подбираются также в соответствии со своим характером. Девушки в основном согласны с юношами относительно их (юношеских) причин попадания в наркозависимость, но, кроме того, рассматривают потребление наркотиков как некую замену отсутствующему взаимопониманию в семье.

Специфика образа потребления наркотиков, как любых других табуированных продуктов и услуг, включает в себя и защитные факторы от этого недуга. Прежде всего, к подобным факторам относятся, по мнению опрошенных молодых людей: хорошее семейное воспитание (64,3%), наличие ясных целей в жизни (62,4%), личная зрелость, самостоятельность и независимость (40,7%), наличие интересной работы или учебы (32,9%) и отрицательные последствия от употребления наркотиков (32,6%).

Что касается характеристик самого процесса потребления наркотиков, то он, прежде всего, воспринимается как удовольствие и хорошее настроение, новизна ощущений – для 80,0% респондентов. Для 40,0% – потребление наркотиков является способом ухода от жизненных проблем. По сути дела, речь идет о преобладании эмоционально-чувственных компонентов в восприятии процесса потребления наркотиков.

Несмотря на значительные усилия общества по блокированию распространения наркотиков, успехи в этой области достигнуты пока сравнительно скромные. В значительной степени это связано с экономическими аспектами этой проблемы: с одной стороны, наркобизнес является одной из прибыльных отраслей, обеспечивающих рабочими местами множество людей, с другой стороны – конфискации и штрафы дают немалый доход государству. Специфика потребления наркотика как товара связана с тем, что субъект потребления – молодежь, которая социально и финансово несамостоятельна, а форма зависимости делает потребление и затраты неконтролируемыми. Кроме того, сам рынок сбыта наркотиков, о котором шла речь при опросе, относится к незаконному, при этом потребление наркотиков молодежью носит скрытый характер (когда субъект потребления реально является потребителем, совершает акт покупки и потребления, а внешне маскирует это свое поведение).

В том числе, продолжающееся распространение наркомании связано с трудностями формирования негативных референтных и побудительных образов потребления. Преобладание эмоционально-чувственных компонентов в восприятии процесса потребления наркотиков препятствует формированию у молодежи адекватному пониманию лично-социально-значимых последствий наркотической зависимости.

Кроме того, нелегальность рынка сбыта наркотиков, его обращенность к несамостоятельной, незрелой, с еще невыработанными, ясными целями жизни части общества в обход семьи, приводит к тому, что потребитель наркотиков руководствуется не рациональными

побудженнями, а чувственно-емоціональними.

Литература:

1. Тарасенко В.И. Социология потребления: методологические проблемы. – Киев: Наукова думка, 1993. – 164 с.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. – 357с.
3. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808с.
4. Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. – М.: Логос. – 2000. – 224с.

“ДИЛЕММА ЗАКЛЮЧЕННОГО” КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ДОВЕРИЯ В СОЦИОЛОГИИ

The first impulse to researches of trust was given in rational choice paradigm in connection with attempts to apply the “prison’s dilemma” to analysis of social phenomena. The application of a unitary and repeating “prison’s dilemma” has specified the importance of trust for social cooperation and the necessity of detailed study of this phenomenon. In the article the various sights on a nature of this phenomenon, in particular, neo-structural idea about a role of continued interrelations in producing of trust are analysed. The author argued, that not the presence of continued interrelations is a source of trust, but social control which is carried out by means of them.

Перший імпульс дослідженням довіри був даний у парадигмі раціонального вибору у зв'язку зі спробами прикласти “дилему ув'язненого” до аналізу соціальних явищ. Використання одноразової та повторної дилеми ув'язненого вперше явно вказало на важливість довіри для соціальної кооперації та необхідність детального вивчення цього феномену. В статті проаналізовані різні погляди на природу цього явища, зокрема, ідея неоструктуралістів щодо ролі постійних взаємозв'язків у виникненні довіри. Автор робить висновок, що скоріше не наявність постійних взаємозв'язків є джерелом довіри, а соціальний контроль, який здійснюється завдяки ним.

Ключевые слова: доверие, социальная кооперация, сотрудничество, социальные взаимодействия, теория рационального выбора, дилемма заключенного, социальный контроль.

Судьба “доверия” как предмета социологического анализа весьма показательна. Это явление настолько очевидно, что, казалось, оно вовсе не требует глубокого изучения. Первый импульс исследованиям доверия был дан в парадигме рационального выбора в связи с попытками применить теорию игр в анализе социальных явлений.

Ранние теоретические версии в рамках парадигмы рационального выбора, получившие название “теорий обмена”, практически обходили вниманием проблему доверия. Считалось, что социальному обмену, в отличие от экономического, свойственна “моральность”, так как существуют общие социальные принципы справедливости, взаимности и равенства распределения. Чувство справедливости внутренне свойственно каждому человеку, но общество корректирует и видоизменяет представление о справедливости. Если в обменных отношениях кто-либо нарушает нормы справедливости и взаимности, то он потеряет власть и социальное одобрение. Таким образом, желая избежать потери, человек будет мотивирован вести себя честно в соответствии с этими нормами. В таких суждениях неявно проглядывает вывод, что люди доверяют друг другу, так как соблюдают принципы справедливости и взаимности.

Однако в 70-е годы анализ экономических взаимодействий с малым числом участников привлек внимание к тому, что в реальной жизни, в отличие от идеальных моделей, свободная конкуренция не исключает обман и преступления. Оливер Уильямсон отметил, что реальному экономическому актору свойственен “оппортунизм” – преследование личного интереса хитрыми уловками, обманом и уклонением от обязательств [1, р.485]. И снова стал актуален вопрос о том, что является причиной доверия или его отсутствия, обмана и должностных преступлений или благородства и честности в повседневной деятельности.

Как известно, в основе теорий парадигмы рационального выбора лежит допущение о том, что люди рационально выбирают средства для достижения своих целей. Рациональность выбора означает, что человек расценивает разные альтернативы действия с точки зрения затрат, приобретений и риска, и выбирает тот вариант действий, который кажется ему

Свеженцева Юлия Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Университета внутренних дел (г. Харьков).

оптимальным.

Впервые внимание к проблеме доверия как основе взаимовыгодного сотрудничества возникло при попытках объяснить различные социальные ситуации с помощью “дилеммы заключенного”, наиболее известной модели взаимодействия в теории игр. Классическая версия этой игры такова:

Два человека совершили вместе преступление, были задержаны и помещены в разные камеры, чтобы исключить всякое общение между ними. Для того, чтобы заставить их сознаться, им (каждому по отдельности) были предложены три варианта: 1) если один из вас сознается, а второй нет, то тот, который сознается, будет выпущен на свободу, а второй получит девять лет; 2) если вы оба сознаетесь, вы получите по пять лет каждый; 3) если вы оба не сознаетесь, то оба получите по два года.

Наилучший вариант для обоих заключенных (т.е. для такой элементарной социальной системы в целом) – молчать. Именно в этом случае они в сумме получают четыре года. Но “молчать” есть очень опасная стратегия для каждого заключенного в отдельности, ведь в случае признания напарника он получит максимальный для себя срок – девять лет. С точки зрения заключенного максимальную выгоду он получит, если он сознается, а его напарник – нет. Даже если и напарник сознается, то и в этом случае срок будет меньше – пять лет. Таким образом, для каждого заключенного в отдельности выгодно сознаться, что они и делают. А для социальной системы в целом это наихудший исход – в сумме десять лет заключения.

“Дилемма заключенного” в обобщенном виде есть теоретическая модель ситуации взаимодействия двух акторов при отсутствии гарантий относительно действий партнера. В качестве детерминант выбора действия принимается только личный интерес каждого в отдельности индивида, стремящегося повысить собственное благополучие. Допустим, каждый из участников желает увеличить выгоду от действий. У каждого актора есть две стратегии: сотрудничество или вред партнеру. Выгода от действий для каждого участника зависит от стратегии, выбранной другим. Если величину выгоды для каждого актора оценивать от -2 (максимальные потери) до 2 (максимальная выгода), то результат действий можно представить в таблице.

Таблица.

	Второй актор		
	Выбор действия	Сотрудничество	Причинение вреда
	Сотрудничество	1,1 (2)	-2,2 (0)
	Причинение вреда	2,-2 (0)	-1,-1 (-2)

Первое и второе число в каждой клетке показывают выгоду от действий соответственно для каждого актора, а в скобках приведена выгода для системы в целом. Исходя из личной рациональности, каждый актор как доминантную стратегию выбирает “вредить другому”. В результате, если каждый пойдет по пути получения максимальной выгоды, оба потерпят убытки, причем для системы в целом это наихудший вариант с максимальными потерями. Таков вариант “дилеммы заключенного” с двумя участниками. Многомерная “дилемма заключенного” аналогична по сути, но в ней действуют более двух акторов.

“Дилемма заключенного” применима как модель взаимодействия для широкого круга социальных ситуаций, в которых участники знают, что для всех выгоднее было бы сотрудничество, но отсутствие гарантий должного поведения партнеров приводит к негативным следствиям для всех в целом. Юмористы называют эту всем знакомую ситуацию “хотели как лучше, а получилось как всегда”. Взаимодействие по типу “дилеммы заключенного” вероятнее при таких условиях: 1) акторы ранее не были знакомы; 2) они не будут взаимодействовать в дальнейшем; 3) информация о результатах их взаимодействия не распространится среди знакомых. Но и в других ситуациях, когда нет полного доверия между партнерами, взаимовыгодного сотрудничества не происходит из-за угрозы быть обманутым

(т.е. понести большие потери).

Многие явления социальной жизни, которые ранее считались примером нерационального поведения или загадочным влиянием толпы, например, паника в горящем театре, когда бегущие люди создают затор в дверях, и, в результате, никто не спасается, теперь стали понятны как примеры рационального поведения при отсутствии гарантий действий других. Случаи паники были искусственно смоделированы в эффектных экспериментах А. Минца [2], объяснены с помощью “дилеммы заключенного” в работах Р. Брауна [3]. Р. Будон, используя теорию игр, проанализировал многие так называемые “извращенные следствия” – “индивидуальные или коллективные следствия, получаемые в результате соединения индивидуального поведения, но не входившие в явные намерения акторов” [4, р.5].

В “дилемме заключенного” все участники имеют коллективный интерес в кооперативном поведении, который одновременно подрывается собственным желанием “сорвать куш” и боязнью быть обманутым другими, попасть впросак. Таким образом, данная игровая ситуация поставила вопрос о роли доверия между участниками, без которого кооперативное поведение невозможно. Ситуация “дилеммы” будет преодолена, если 1) стороны кооперативного соглашения доверяют друг другу, т.е. верят, что другие участники взаимодействия будут придерживаться соглашения; 2) каждый участник имеет мотивацию честно и справедливо поддерживать соглашение.

Анализ “дилеммы заключенного” позволяет сделать вывод о том, что доверие есть основа взаимовыгодного сотрудничества. Факты кооперации, договора, сотрудничества людей встречаются повсеместно в общественной жизни. Что же дает основание доверять другим и отказываться от стратегии “причинить вред”? Что снижает риск понести потери? Ответ на вопрос об источнике доверия оказался переплетенным с ответом на классический вопрос Т. Гоббса “Как возможен порядок в обществе?”. Почему человек, преследуя личный интерес, действует в соответствии с нормами? Почему он доверяет своим партнерам и уверен, что другие будут действовать также в соответствии с существующими правилами? Как возникают, поддерживаются и отмирают эти правила?

Интересные результаты дает повторяющаяся “дилемма заключенного”. Ситуация существенно меняется, если известно, что взаимодействие с данным оппонентом будет повторяться. В этом случае “вредить” уже не будет доминантной стратегией. Если в первой ситуации актер выбрал “сотрудничать”, а его оппонент – “вредить” и таким образом получил сиюминутную выгоду, то в последующих случаях актер никогда больше не выберет сотрудничество, что приведет к серии взаимных потерь. В случае повторяющейся “дилеммы заключенного” рационально будет в первой ситуации сознательно пойти на возможные потери и выбрать “сотрудничество” для того, чтобы посмотреть, как ответит оппонент.

При случайных однократных взаимодействиях возможны потери для одного из участников как следствие обмана, должностного преступления, “оппортунизма”. Кстати, в повседневной жизни люди стараются избегать “игр” с большими возможными потерями с теми людьми, в поведении которых они не уверены. Таким образом, напрашивается вывод о том, что средство избежать взаимодействия по типу “дилеммы заключенного” – поддерживать постоянные взаимодействия с данным человеком или, в крайнем случае, вступать в контакт с людьми известной репутации. В теориях рационального выбора репутация часто рассматривается как обобщенный ресурс. Экономисты даже вывели стоимость ущерба чьей-либо репутации как отношение количества обманов к числу возможностей обманывать. Но повседневная практика показывает, что люди полагаются на знание репутации человека только тогда, когда нет более надежных способов избежать обмана и потерь. Американский неоструктуралист М. Гранновтер [1, р.490] утверждает, что более надежным обычно считается получить информацию о потенциальном партнере от знакомого человека, которому доверяешь, то есть использовать транзитивные сети доверия. Наилучшая же информация – из своих прошлых сделок с данным партнером, потому что 1) она более дешевая по способу получения; 2) ей больше доверяешь; 3) партнер, с которым вы имеете продолжи-

тельные отношения, экономически мотивирован быть честным; 4) продолжительные экономические отношения часто становятся наполненными социальным смыслом, что поддерживает сильные ожидания доверия и отказа от оппортунизма.

В деловых отношениях степень доверия сильно варьирует, но дилеммы заключенного часто пытаются избежать укреплением межличностных отношений. Экономический анализ обычно пренебрегает прошлыми отношениями взаимодействующих. Социологи же знают, что человек мало интересуется общими репутациями, его скорее интересует, можно ли ожидать честного взаимодействия именно с ним.

Эти доводы дали возможность М.Грановетеру сделать явно неструктуралистские выводы о том, что 1) доверие зарождается в продолжительных межличностных взаимодействиях; 2) доверие есть свойство не отдельных индивидов, а их взаимоотношения; 3) продолжительные взаимодействия есть необходимое средство для доверия, поддержания порядка, отказа от обмана и оппортунизма; 4) такие взаимодействия, хоть и необходимы, но не достаточны для отказа от оппортунизма, так как создают основу для еще больших обманов, совершаемых группами доверяющих друг другу индивидов.

Итак, применение дилеммы заключенного в социологии впервые явно указало на важность доверия для социальной кооперации и необходимость детального изучения этого феномена. Однако скорее не наличие постоянных взаимосвязей является источником доверия, а социальный контроль, осуществляемый посредством них. Сделав акцент на социальном контроле в анализе проблемы доверия, мы можем расширить предметную область, рассматривая и неосмысливаемое (подспудное) доверие в повседневной жизни, и доверие в рамках институциональных структур, источником которого является предсказуемость поведения партнера по взаимодействию.

Литература:

1. Granovetter, M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness. // American Journal of Sociology. – 1985. – N91-p.485.
2. Mintz, A. Non-adaptive group behavior. Journal of Abnormal Social Psychology 1951, 36:506-524.
3. Broun, R. Social psychology. New York: Free Press, 1965.
4. Boudon, R. The Unintended Consequences of Social Action. London: Macmillan, 1982, p.5.

СОЦИОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: НОВАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА – “СТАРЫЕ” ИСТОКИ

This article continues the developing of the new sociological discipline “sociology of crime” that has been started in the author’s previous works.

This article is devoted to the history of sociological study of crime and looks for possible origins for the development of the sociology of crime. In this article history of sociological views on crime in Italy, France, Germany and Russian empire in XVIII-XIX centuries is examined. The theoretical views on crime and criminals and the empirical studies of these phenomena are described.

The main conclusion of the article is that sociology of crime is not only an extremely urgent and actual sociological discipline but also the one that has deep roots in domestic sociology.

Статтю присвячено історії розвитку соціологічного розгляду злочинності, пошуку можливих витоків для розвитку нової спеціальної соціологічної дисципліни. У статті розглядається історія соціологічного розгляду злочинності в Італії, Франції, Німеччині та Російській імперії у XVIII-XIX ст. У статті висвітлено теоретичні погляди на злочини та злочинність та емпіричні дослідження цих феноменів таких видатних вчених, як Ч. Ломброзо, Е. Феррі, барон Гарофало, А. Кетле, Г. Тард, Ф. Ліст, Е.Н. Анучин, М.Н. Гернет та ін.

Головним висновком статті є те, що соціологія злочинності є не лише дуже актуальною дисципліною, але ще має глибокі історичні витoki та корені на терені вітчизняної соціологічної науки.

Ключевые слова: социология преступности, криминология, уголовное право, уголовная статистика.

Нам уже приходилось обосновывать необходимость развития особой отрасли отечественной социологии – социологии преступности – и характеризовать ту нишу, которую она вправе занять, не вторгаясь в предметную область криминологии и уголовного права [1]. Библиографический поиск теоретических источников новой отрасли привел к несколько неожиданному результату: социология преступности имеет достаточно мощный научный фундамент в лице так называемой “социологической школы уголовного права”. Это направление было одним из наиболее активных и многообещающих исследовательских традиций XIX века. Имеется не один десяток крупных монографических работ и сотни статей, выходящих в конце XIX – начале XX веков на основных европейских языках, которые посвящены социологической проблематике преступности и наказания. Но они, как правило, плохо известны социологам, не фигурируют в библиографических обзорах по одной, на наш взгляд, причине: их авторами в большинстве были юристы, криминалисты, представители уголовно-правовой науки или статистики. Научно-дисциплинарная разобщенность, возможно, специфический снобизм или чувство ревности привели к тому, что “настоящие” социологи предпочитали не замечать “социологов-юристов”. Даже такой обстоятельный и проницательный историк российской социологии как Н.И. Кареев, знавший всех выдающихся российских юристов и социологов лично, в своих “Основах русской социологии” поместил информацию об уголовной социологии (криминологии) в один абзац, сославшись на “специальность темы”. Хотя суть направления он определил весьма точно: применение “социологической точки зрения к преступности как социальному явлению” [2, с.139]. Итак, мы хотим восстановить справедливость, дополнить библиографическую базу современной социологии и социологии преступности, в частности, теми работами, которым надлежит быть в багаже современных социологов, независимо от того, кем был их автор.

Действительно, социологическая школа уголовного права возникла на стыке юриспруденции и социологии в то время, когда юридические дисциплины, право завоевали себе прочное место, развивались в современной Европе на протяжении нескольких столетий, а

Рущенко Игорь Петрович – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры общей социологии Университета внутренних дел (г. Харьков) (т.: (0572) 66-03-43)

социология была еще молодой наукой, своего рода многообещающим увлечением с неясной эпистемологической основой. Для того, чтобы уяснить специфику социологической школы уголовного права необходимо понять логику и обстоятельства развития, как науки уголовного права, так и социологии.

Последняя четверть XIX ст. ознаменовалась новым кризисом уголовно-правовой науки. Предыдущий – имел место в XVIII ст., когда под влиянием идей эпохи Просвещения и благодаря блестящим трудам Ш.Монтескье [3], Ч.Беккариа [4], И.Бентама [5], сфера криминальной юстиции, неизменная со времен средневековья, претерпела глубокое реформирование. Тогда и сформировалась так называемая “классическая” школа уголовного права, которая рассматривала преступление как чисто юридическое отношение, и не обращала особого внимания на личность преступника и социальную этиологию преступности. Вот типичная позиция, которую выражал один из старейших российских юристов, профессор Московского университета Баршев: “Говоря вообще, бедность и преступление не имеют, правда, ничего общего. Человек бедный может быть так же хорошо честнейшим человеком, как и величайшим преступником” [6, с.183]. Игнорирование личности преступника и социальных причин преступления превратились для определенного круга исследователей, которые считали себя “позитивистами” (в отличие от “догматиков” и “метафизиков” классической школы), в мишень для критики и направления атаки на позиции старой генерации юристов. Вызов старой школе был сделан трудами Ч.Ломброзо и его единомышленников, объединившихся в так называемую ново-итальянскую, или позитивистскую школу уголовного права. Она стартовала как преимущественно антропологическое направление, которое разрабатывало тему “прирожденного преступника” исключительно натуралистическими, позитивистскими методами. Очень скоро антропологические изыскания были дополнены социологическими исследованиями, ибо считалось, что волей человека управляют не только биологические, но и социальные силы и обстоятельства. Эту идею воплощали единомышленники Ломброзо – Энрико Ферри и барон Гарофало. Благодаря широко известной книге первого собственно и возникло словосочетание “уголовная социология” [7], а Гарофало ввел в оборот термин “криминология”. Но в конце XIX ст. чисто биологические идеи, в частности антропологические обмеры и эмпирический материал Ломброзо, встречают все большую критику в научных кругах. В противоположность этому социологическое направление свои позиции сберегло и упрочило.

В XIX ст. существовал определенный теоретико-социологический фундамент, который и был использован социологической школой уголовного права. Социологии Конта, Спенсера, Маркса выросли из четырех фундаментальных идей, которые оказали решающее влияние на социальную науку и умы ученых той эпохи. Это – идея общества как особой реальности, идея социального закона, идея социальной детерминации и идея социальных изменений (прогресс, эволюция). Для того, чтобы понять значение этих идей, достаточно обратиться к центральному вопросу дискуссии классической и новой школ – проблеме свободы воли. Догматико-юридический подход основывался на том, что человек свободен в выборе между добром и злом, моральным поступком и преступлением. Он, таким образом, несет всю полноту ответственности за свои действия. Это убеждение вылилось в учение о субъективной стороне состава преступления, на нем держались такие важные уголовно-правовые институты как виновность и наказуемость. Подход основывался на метафизической традиции, философских взглядах эпох Возрождения и Просвещения. Напомним, что Жан Жак Руссо развил принцип деизма: Бог создал Мир, который основан на прочных законах, но Он непосредственно не вмешивается в мирские дела. Бог наделил человека свободной волей, чего нет у животных. Но Он не отвечает за то, как люди пользуются обретенной свободой. Бог не хочет зла, которое творят люди, но и не лишает человека воли, ибо она – суть его природы. Бог наделил людей свободой воли не для зла, а для того, чтобы они могли творить добро по выбору, т.е. сознательно... “Человек, – обращается Руссо, – не ищи виновника зла, этот виновник – ты. Не существует другого зла, кроме того, которое ты творишь и испытываешь, и то и другого имеет своим источником – тебя” [8, с.24]. Таким

образом, за личностью не стоит никто (и ничто), чтобы разделить ответственность за содеянное.

Новая школа полностью отрицала принцип свободы воли, и теоретической основой этого как раз служили набравшие силу социологические идеи. Основоположники социологии в своих трудах отстаивали существование новой реальности – общества, которое, наряду с природой, управляет поведением людей. Социологический реализм как нельзя лучше подходил тем, кто брался объяснять преступность внешними факторами – социальными причинами. Если общество по выражению Дюркгейма – “высшая реальность”, то разве не ее недостатки, пороки, несовершенные институты виновны в фактах преступности? Эту мысль с присущей естествоиспытателям определенностью сформулировал В.М.Бехтерев: “...само общество создает в своей среде преступников и потому нельзя сваливать вину за преступление на само лицо, его совершившее, так как виною тому служат условия, которые привели его на путь преступления. Даже тогда, когда дело идет о дегенератах и душевнобольных преступниках, имеет ли право общество свалить вину за преступления на природу человека, когда и дегенерация, и душевная болезнь в огромном большинстве случаев – результат ненормально сложившихся социально-экономических условий, и приводящих, в конце концов, и к нарушению биологических законов?” [9, с.561].

Кстати, одним из первых эту мысль высказал Адольф Кетле, которого небезосновательно можно считать “крестным отцом” социологии преступности. Он как математик и статистик предложил остроумное решение парадокса, суть которого в том, что “свободная воля” по итогам криминального года дает вполне стабильную и прогнозируемую цифру преступности. Его решение таково: свобода воли – это случайная причина, которая не влияет на суммарные величины уголовной статистики, а реально в колебаниях статистических показателей находят свое отражение различные физические и социальные факторы: “действия всех случайных причин должны парализоваться и взаимно уничтожить друг друга, так что преобладающими останутся только истинные причины, в силу которых общество существует и держится” [10, с.71]. Анализ французской уголовной статистики позволил Кетле фактически открыть и сформулировать “закон преступности”, как частный социальный закон. Смысл его в том, что преступность не только вечный спутник человеческого общества, но она поддается точному количественному выражению и подвластна математическому прогнозу. “Можно заранее вычислить, – писал Кетле, – сколько индивидуумов замарают руки в крови своих ближних, сколько явится деятелей фальшивых бумаг, сколько отравителей и прочее, почти так же, как можно вычислить количество будущих рождений и смертных случаев” [11, с.7]. Он считал, что общество подготавливает преступление, а человек – это всего лишь орудие. Основоположник социологии преступности сформулировал и основное задание новой области – исследовать факторы, которые определяют преступность и ее динамику. В дальнейшем это получило название учения о факторах или этиологии преступности. Направление разрабатывали десятки видных ученых, тема факторов стала наиболее привлекательной областью, соединяющей теоретические гипотезы с богатым эмпирическим материалом. Работы, посвященные этиологии преступности наполнены сотнями таблиц, почерпнутых из уголовных статистик всех европейских стран, на базе которых авторы пытались установить корреляционные связи таких факторов как пол, возраст, температура воздуха или цена на хлеб (и еще двух – трех десятков факторов) с частотой совершения преступлений [12]. Они надеялись, что изучение причин раскроет загадку преступности, и даст им в руки строго научные рецепты для оздоровления общества. Социологи-юристы, статистики той эпохи твердо стояли на позициях позитивизма, они (как и Ломброзо и антропологи) свято верили в объективность научного знания, основанного на цифрах, эмпирике, наблюдении. Эти работы и сегодня не могут не подкупать своей верой в науку, истину, страстным желанием расширить ее горизонты во имя прогресса и решения великих практических вопросов, в частности, проведения радикальной уголовно-правовой и пенитенциарной реформы...

Социологическую школу уголовного права можно разделить на несколько националь-

ных ответвлений. Итальянцы называли свое направление “третьей школой”. Кроме Ферри, который предложил более или менее реалистическую классификацию преступников, сформулировал закон насыщения общества преступностью (по аналогии с химическим раствором) и занимался этиологией преступности, к этому направлению принадлежали: Туратти (исследовал влияние экономических факторов), Полетти (влияние занятости и профессий), Колаянни (идея морального атавизма и изучение факторов, которые его поддерживают), Ваккаро (использование дарвинизма и общий вывод, что преступники – класс вымирающих людей, неспособных приспособиться к обществу). Дальнейшее развитие “третьей школы” дало две ветви: криминалисты-социалисты и криминалисты-либералы. Таким образом, советские криминологи имели своих идейных предшественников (социологическое направление), которые впервые и провозгласили известные тезисы: 1) преступность – порождение частной собственности и классового неравенства, т.е. политического и общественного строя современных государств; 2) борьба с преступностью в рамках старого строя – бессмысленна, ибо общество автоматически создает новые легионы преступников, следовательно криминологи-либералы играют жалкую роль защитников господствующего класса; 3) только радикальное обновление старого общественного строя на пути социалистических преобразований может окончательно уничтожить преступность. Туратти, например, так пояснил последний тезис: “при социализме, когда каждый будет иметь порцию пищи для души и тела, преступность исчезнет, и опасность иметь сына преступника не будет более возможности иметь сына с двумя головами или одной рукой” [13 с.79-80]. Заметим также, что Ферри, Туратти, Колаянни принимали активное участие в социалистическом движении, Ферри был депутатом парламента от социалистов и возглавлял известную партийную газету “Avanti”.

Во Франции широкую известность получила так называемая “Лионская школа” (Тард, Гарро). Ведущую роль, конечно, играл Габриэль Тард – один из основателей психологического направления в социологии, известный криминалист, который не только преподавал в учебных заведениях Парижа, но и возглавлял статистическое бюро в министерстве юстиции. Он, как оригинальный социолог, являл собой “приятное исключение” в кампании юристов, врачей, антропологов, которые наполняли социологическую школу в науке уголовного права. Свои подходы к проблеме преступности Тард базировал на собственной теории подражания. Он утверждал, что преступность, ее виды, техника исполнения преступных замыслов распространяются подобно эпидемическому процессу, передаются, прежде всего, от высших общественных сфер к нижним социальным прослойкам. Он разрабатывал тему профессиональной преступности, изучал феномен преступной толпы и специфику делинквентного поведения несовершеннолетних [14]. Тард рассматривал криминологию как раздел социологии. В своих работах он широко использовал французскую уголовную статистику, которая, в его стране, систематически велась и публиковалась с 1826 года. В этом смысле он достойно продолжил традиции Кетле и Герри, заложивших основы моральной статистики.

В Германии признанным лидером в науке уголовного права, разделявшим социологические подходы, был Ф.Лист [15]. Он хорошо понимал, что чисто юридический подход к преступности не удовлетворят современных криминалистов и широкую общественность. Вот почему Лист являлся сторонником расширения предмета науки уголовного права, выделяя в нем следующие разделы: 1) уголовно-правовая догматика, т.е. по существу, юридический и традиционный для криминалистов подход; 2) криминология, которая должна включать криминальную биологию (криминальная соматология и криминальная психология) и криминальную социологию; 3) уголовная политика (разрабатывается и осуществляется на основе данных криминологии). Перед криминальной социологией Лист ставил две задачи: во-первых, исследовать причины преступности, во-вторых, изучать преступность как социальное явление. Он плодотворно сотрудничал с видным бельгийским криминалистом-теоретиком и одновременно главным инспектором тюрем Бельгии Адольфом Принсем; их имена всегда ставились рядом как основателей Международного Союза уголовного права. Союз включил в свою программу социологические исследования и рассматривался

участниками в качестве альтернативы старой классической школе и антропологическому направлению в криминалистике. Принс в своих трудах поставил вопрос о социальной опасности отдельных категорий преступников, отстаивал мысль о праве общества на социальную оборону, необходимости превентивных мер по отношению к наиболее опасным рецидивистам и патологическим типам [16].

Россия не имела одного «лидера» с европейским именем, но в дореволюционное время социологическая школа уголовного права была достойно представлена значительным количеством научных трудов, которые принадлежали: Е.Н. Анучину, Е.Н. Тарновскому, А.Ф. Кистяковскому, И.Я. Фойницкому, М.П. Чубинскому, Д.А. Дрилю, М.Н. Гернету, С.К. Гогелю и др. Российские исследователи опирались на мощную эмпирическую базу в виде уголовной статистики, которая в империи была поставлена на высокий уровень. Таблицы по результатам судовой деятельности готовились министерством юстиции в виде «Всеподданнейших отчетов», начиная с 1833 года. Но настоящая революция в деле уголовной статистики была проведена после судебной реформы 1864г. 1872 год ознаменовался Высочайшим утверждением правил судебной отчетности, которые предписывали новым судебным учреждениям отправлять в департамент Министерства Юстиции специально разработанные статистические листки об осужденных и оправданных, «приговоры о коих обращены к исполнению в отчетном году». С 1873 года регулярно издавались ежегодные «Сводь статистических данных по делам уголовным», которые и сегодня поражают своими объемами, количеством показателей и цифровых данных. В социологическом отношении «Сводь», как показал сравнительный анализ, выглядели наиболее предпочтительно по отношению ко всем остальным европейским национальным статистикам, ибо они оперировали четырнадцатью показателями социального характера: пол, возраст, семейное положение, профессия, религия, образование, законность рождения, этничность, место проживания, материальное положение, алкоголизм, рецидив, сословие. Каждый показатель имел свои градации, т.е. образовывал шкалы измерений [17]. Еще раз подчеркнем, что ни одна европейская страна не оперировала столь богатой и подробной уголовной статистикой, к сожалению, эти традиции были утрачены и сегодня мы еще не поднялись на подобный уровень культуры уголовной статистики. Это достижение имело свою историю и обязано блестящим научным трудам первых уголовных статистиков. Еще в 1866г. Е.Н. Анучин издал в Тоболе исключительный по своему значению и оригинальности статистический труд, обобщающий данные о сосланных в Сибирь за последние 20 лет. Для этого ему пришлось длительное время проработать в архиве Тобольского Приказа [18]. Труд был удостоен премии Географического общества и вскоре переиздан в столице за счет Общества. Десятки трудов по уголовной статистике принадлежали Е.Н. Тарновскому – настоящему метру своей области; как и Тард он длительное время возглавлял статистический отдел министерства юстиции [19]. Все авторы использовали данные уголовной статистики, но не все ее удовлетворялись, и стремились расширить эмпирическую область путем организации собственных полевых работ. В 1910 году под руководством М.Н. Гернета в Москве была проведена широкомасштабная исследовательская акция «Детская преступность в Москве и меры борьбы с нею». Исследовательскую группу составили слушатели университетского семинара Гернета. Интересно рассмотреть методы, которыми она пользовалась. Во-первых, был разработан статистический листок, который поровну состоял из социологических и юридических вопросов (по 25 вопросов каждой группы). Этот листок заполнялся по материалам судебных разбирательств по делам несовершеннолетних за 1909–1910 годы. Исследователи получили доступ к архивам всех без исключения судебных мест Москвы – учреждений окружного суда, мировых участков (41 участок), – что и воплотилось в 3000 заполненных листков, которые были подданы статистической обработке и обобщению. Во-вторых, были получены статистические данные об осужденных несовершеннолетних в местах лишения свободы. В-третьих, в детском приюте (Рукавишниковский приют), в отделениях для несовершеннолетних Рабочего Дома при согласии администраций были получены характеристики и биографические записки воспитанников, а также их письменные работы

на тему преступности. В-четвертых, были исследованы жилые помещения, в которых проживали несовершеннолетние преступники, их бытовые условия, и даже произведены фотоснимки некоторых жилищ, в т.ч. мусорных ящиков на Зубовском бульваре, где находили себе приют дети-бродяжки. По материалам исследования был подготовлен и издан сборник "Дети-преступники" (объемом в 500 страниц), разделенный на две половины: социологическую и юридическую [20]. Можем ли мы сегодня привести пример подобной работы по глубине замысла и широте эмпирических исследований? В дореволюционный период, кроме впечатляющих эмпирических обследований, выходили новаторские теоретические работы, например, труды Дриля [21], Гогеля [22], в которых обосновывались оригинальные объяснительные модели преступления и разрабатывались социальные технологии противодействия преступности.

Каковы роль и дальнейшая судьба социологической школы уголовного права? Многочисленные социологические исследования сыграли, несомненно, свою роль в судебных и пенитенциарных реформах двадцатого столетия; были "запущены" разнообразные программы профилактики и реабилитации, внедрены новые подходы реагирования на преступность несовершеннолетних и т.д. Тем не менее, наука уголовного права не превратилась в отрасль судебной медицины, психологии или социологии. Произошло то, к чему еще в начале 20-го столетия призывал известный юрист, профессор Н.С.Таганцев – разделение дисциплин [23, с.9-10]. Неюридические аспекты криминалистики, в том числе социология преступности, были собраны "под крышей" криминологии. В современной криминологии существует так называемое социологическое направление, которое можно рассматривать как "правопреемника" социологической школы уголовного права XIX столетия. Однако это больше характерно для западной традиции. Исторические обстоятельства у нас сложились таким образом, что и в бывшем СССР и в Украине криминология рассматривалась (и фактически была) монополией юристов, а для социологов являлась "целиной". Это один из аргументов развития у нас социологии преступности как одной из отраслей социологического знания. Наш обзор убеждает в том, что новая отрасль может развиваться не на пустом месте, а опираясь на богатую и поучительную традицию прошлого.

Литература:

1. Рущенко І.П. Перспективи соціології злочинності як наукової та навчальної дисципліни // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна, 1999, с.113-118.
2. Кареев Н.И. Основы русской социологии. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. – 368с.
3. Монтескье Ш. О духе законов: Пер. с фр. – СПб.: Изд-е Л.Ф. Пантелеева, 1900. – 706с.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях: Пер. с итальян. – М.: юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 464с.
5. Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении: В 3 т.: Пер. с англ. – СПб.: Тип. Шнора, 1806. – Т.1. – 630с.
6. Баршев С. О мере наказаний. – М.: В Университетской типографии, 1840. – 279с.
7. Ферри Э. Уголовная социология: В 2 т.: Пер. с фр. – Петроград: Просвещение, 1910. – 930с.
8. Алексеев А.С. Миросозерцание Руссо и его учение о нравственности // Юридический Вестник. – 1882. – № 1. – С.1 – 26.
9. Бехтерев В.М. Объективно-психологический метод в применении к преступности // Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. – СПб.: Изд-во "Шиповник", 1912. – С.509-568.
10. Кетле А. Социальная система и законы ею управляющие: Пер. с фр. – СПб.: Тип. Тиблена и Ко, 1866. – 313с.

11. Кетле А. Человек и развитие его способностей или опыт общественной физики: В 2 т.: Пер. с фр. – СПб.: Изд-е О.И. Бакста, 1865. – Т.1. – 230с.
12. Фойницкий И. Факторы преступности // Северный вестник. – 1893. – № 10. – С. 97 – 119; Смит М.Р. Статистика и социология / пер. с англ. М. Энгельгардта; ред. Г. Фальборка и В. Чарнолуского. – М.: Изд-е С. Скримунта, 1900. – С.274 – 305; Гернет М.Н. Общественные причины преступности. – М.: Изд-е С. Скримунта, 1906. – 210 с.; Ашафенбург Г. Преступление и борьба с ним: Пер. с нем. – Одесса: Изд-е Вл. Распопова, 1906. – 243с.; Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности (социологическая школа в науке уголовного права) / С пред. М.Н. Гернета. – М.: Тип. управления М.-Курской, Нижегород. и Мурманск. жел. дор., 1910. – 147с.
13. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. – М.: Университ. тип., 1905. – 203с.
14. Тард Г. Молодые преступники: Пер. с фр. – СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1899. – 30 с.; Тард Г. Преступления толпы / Под ред. А.И. Смирнова: Пер. с фр. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1893. – 44 с. ; Тард Г. Преступник и преступление / Под ред. М.Н. Гернета. Пер. с фр. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина. – 324с. ; Тард Г. Сравнительная преступность: Пер. с фр. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. – 267с.
15. Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление: Пер. с нем. – СПб.: Изд-е Н.К. Мартынова, 1900. – 16 с. ; Лист Ф. Наказание и его цели: Пер. с нем. – СПб.: Типо-Литография А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1895. – 72 с.
16. Принс Ад. Защита общества и преобразование уголовного права / Под ред. и с пред. Проф. Г.С. Фельдштейна: Пер. с фр. – М.: Изд-во “В.И. Знаменский и Ко”, 1912. – 160с.
17. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1878 году в судебных учреждениях, действующих на основе уставов 20 ноября 1864 г.: В 3 частях. – СПб.: Тип. правительствующего сената, 1883. – Ч.1. – 390с.
18. Анучин Е. Материалы для уголовной статистики России: Исследование о проценте ссылаемых в Сибирь. – Тобольск: Тобольский губернский статистический комитет, 1866. – 233с.
19. Тарнавский Е.Н. Распределение преступности по профессиям // Журнал министерства юстиции. – 1907. – №8. – С.54 – 100.
20. Дети – преступники / Сб. статей с пред. и под ред. М.Н. Гернета. – М.: Книгоизд. “В.И. Знаменский и Ко”, 1912. – 550с.
21. Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. – СПб.: Изд-во “Шиповник”, 1912. – 568 с. ; Дриль Дм. Малолетние преступники: Этюд по вопросу о человеческой преступности, ее факторах и средствах борьбы с нею. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1884. – 318с.
22. Гогель С.К. Роль общества в деле борьбы с преступностью. – СПб.: Тип. т-ва “Общественная Польза”, 1906. – 283с.
23. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции / Часть общая. – СПб.: Государственная тип., 1902. – Т 1,2. – 1460с.

СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА И ДЕВИАЦИЯ В СИСТЕМЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

The article deals with different models of latent deviance of consumers in the market of information. These models are 1) repetition on the background of false identification of self with the heroes of marketing communications, 2) creation of anomie, 3) formation of aggression, 4) nihilism, 5) demonstration of hedonism. Sociologists study deviance as objective and subjective and problematic. There are different ways of reducing deviance in communication sphere. Some of them are: increasing of the life level of consumers, improvement of the quality of marketing communication, observance of the dynamics of the audience of consumers and their resegmentation.

В статті йдеться про різні моделі латентної девіації споживачів на інформаційному ринку. Ці моделі включають: 1) повторення на основі хибної ідентифікації себе з "героями" маркетингових комунікацій, 2) створення аномії, 3) формування агресивності, 4) нігілізм, 5) гедонізм. Для скорочення подібних моделей латентної девіації можливі наступні засоби: підвищення життєвого рівня споживачів; поліпшення якості маркетингових комунікацій, вивчення динаміки аудиторії споживачів та їх пересегментація.

Ключевые слова: девиация, модели, маркетинговая коммуникация, гедонизм, нигилизм.

Девиация как явление создается обществом, поскольку именно общество определяет те нормы, за пределами которых какие-то социальные действия рассматриваются как девиантные. Понятие девиации может быть как положительным, так и отрицательным. Именно к этому дихотомическому восприятию можно отнести реакции потребителей на вариативность маркетинговых коммуникаций, предлагаемую сейчас на информационном рынке. С целью оценить реакции потребителей на маркетинговые коммуникации, было проведено социологическое исследование в три этапа: 1996 – 1999 гг.

Обращает на себя внимание, что наблюдается интересная динамика оценочной эволюции реципиентов. В 1996 г. отмечен рост интереса и мотиваций инновационных действий со стороны потребителей под влиянием маркетинговых коммуникаций: 67% респондентов положительно оценивали новый способ общения с аудиторией потребителей (а именно: рекламу, презентации, выставочную деятельность) как возможность активизировать рынок, стимулировать новые экономические рычаги, заложенные в теории обмена А.Смитом, Д.Рикардо, Дж.Хомансом, П.Блау. В 1998 г. наблюдается лишь 31% положительной оценки респондентами маркетинговых коммуникаций, а в 1999 г. – 48%.

Представители современного функционализма придерживаются мнения, что основой социальной системы является нормативный порядок. Нормы в таком случае являются результатом социализации, которую проходит каждый актор, выбрав окончательно ряд ролей, которые он хотел бы играть или играет.

Неправильное воспитание формирует асоциальное отношение к "нормам и правилам общественной жизни, искажению жизненных ценностей, появлению асоциальных ценностей, влияющих на мотивацию отклоняющегося, в том числе и преступного поведения" [1, с.237].

Интересно заметить, что маркетинговые коммуникации прямо способствуют новым формам социализации современных акторов, так как выступают в качестве внешних факторов, влияющих на поведение людей в окружении продуктов, выставленных на продажу и при непосредственном общении с продуктами, которые они призваны продвигать на

Лисица Надежда Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 45-72-37), профессор кафедры международной экономики и менеджмента внешнеэкономической деятельности Харьковского государственного экономического университета (т.: (0572) 30-71-89)

рынок. Вслед за Ф. Котлером мы понимаем под продуктом товар, услугу, идею. Однако поскольку эти продукты часто бывают недоступны потребителям, то информация о них стимулирует своеобразную ответную реакцию, трактуемую как девиация на уровне всеобщего социального неодобрения или как девиация на уровне отдельной социальной группы, не признающей нелегитимные способы потребления. При этом стремление к инновационным действиям, направленным на то, чтобы найти источники материальных ресурсов любым путем и включиться в процесс потребления, часто сопровождается депрессией, отторжением информации, агрессией, которые могут рассматриваться как латентная или явная девиация.

Ф. Патаки рассматривает девиацию как "системное или полидетерминированное явление, в формировании которого принимают участие исторические, макросоциологические, социально-психологические и индивидуально-личностные факторы" [2, с. 236].

В таких случаях приоритеты в маркетинговых коммуникациях отдаются рациональным принципам, обещающим определенные выгоды для потребителей информации и составляющим так называемую "экономику" потребления. Экономика потребления информации так же как и любого другого продукта основывается на изучении спроса и предложения на предлагаемую информацию и должна регулироваться конкурентами. Следует отметить, что есть специфические особенности, которыми обладает информация как продукт на рынке, это ее актуальность и новизна. Это основные характеристики информации как продукта, способные поддержать его конкурентоспособность и сохранить стабильный спрос на него. Это предпосылки для поддержания "парадокса Гиффена", сохраняющего увеличение спроса на продукт, несмотря на многократное повышение цен.

Как оказалось, экономика культуры, коммуникации и легитимности тоже существует. Ценности, идеи, познавательные способности и информация рассеиваются по рынкам согласно экономическим законам. Люди воспринимают ценности, идеи, познавательные способности и информацию, потому, что они надеются получить выгоду в процессе прогнозируемого обмена и отклоняют их, если участие в обмене становится недостаточно рациональным или даже невыгодным: например, стоит дорого, или заведомо не предполагает перспектив, не вписывается в рамки ценностей, сформировавшихся в процессе первичной социализации.

В терминах теории рационального выбора, выдвигаемой Дж. Коулменом, выявляются отношения между макро и микроявлениями, в которых внешние условия принимаются во внимание рациональными акторами.

Внешние условия предполагают создание социального климата вокруг акторов, на которых направлены информационные потоки. Последние являются основой для формирования информационных логистических систем в структуре конкретной экономики. Логистику используют для распространения экономической эффективности сбыта в области применения маркетинговых программ и организации управления в различных сферах деятельности по принципам маркетинга. Такие условия составляют макроявления рыночной экономики, влияющие на стимулирование рациональности в поведении людей.

На микроуровне девиацию как социальный феномен принято анализировать как объективно данную и субъективно проблематичную. Как объективно данную социологи изучают девиацию в том случае, когда рассматриваемое явление характеризуется с точки зрения отклонения от установленных в обществе норм и ценностей. Такая позиция основывается на предположении, что есть перечень норм и ценностей, признаваемых в обществе, любое отклонение от этих норм и ценностей, как следствие, приводит к сплетням или юридическим санкциям. Считается, что любое наказание, применяемое к девианту, утверждает для всех в обществе, что есть вполне конкретные нормы и ценности, которые должны соблюдаться.

Какие условия могут быть предпосылкой для появления девиантов? Почему люди продолжают проявлять девиацию, несмотря на те санкции, которые к ним применяются? Как можно свести до минимума девиацию и научиться ее контролировать? Попробуем выявить модели латентной девиации и затем предложить способы предотвращения девиации.

Трудности определения девиации заключаются в отсутствии четкого определения нормы и ценности. В контексте данного анализа мы будем говорить о социальных нормах, то есть "требованиях, предписаниях, пожеланиях и ожиданий соответствующего поведения" [3, с.454]. Нет простых или универсальных последствий девиации. Поэтому часто латентная девиация или выпадает из анализа, или не трактуется как девиация. Целую гамму латентной девиации можно наблюдать в процессе реализации коммуникативных программ, подготовленных для общения с массовым потребителем. Такие программы стали особенно популярны в период внедрения различных форм маркетинговых коммуникаций, таких как паблик рилейшинз в политике и коммерции, реклама, презентации, выставочная деятельность.

Анализ результатов многократных фокусированных интервью (10), проведенных при разработке маркетинговых программ для разных продуктов (мебель, лакокрасочные изделия, молдавские вина, приложение на английском языке к газете, одежда фабрики им.Тинякова) показывает такие модели латентной девиации потребителей этих продуктов:

- 1) необоснованное подражание на фоне ложной идентификации себя с "героями" маркетинговых коммуникаций;
- 2) создание состояния аномии, то есть, когда отдельные потребители ощущают социальную дезориентацию, переживают чувство изолированности;
- 3) формирование агрессивности, тенденции к принятию наркотиков, мелким кражам;
- 4) нигилизм как реакция на демонстративное проявление "категории снисходительности" тех, кто является производителем и рекламодателем. П.Бурдьё определяет это как проявление более высоких позиций в объективной иерархии социального пространства [4, с.49];
- 5) демонстрация гедонистических склонностей потребителей.

Все вышеназванные модели латентной девиации выявлены в ходе фокусированных интервью с работниками предприятий.

На наш взгляд, способами сокращения и предотвращения девиации в области общения с массовым потребителем могли бы быть: 1) повышение жизненного уровня потребителей; 2) улучшение качества маркетинговых коммуникаций; 3) отслеживание динамики аудитории потребителей и их пересегментация.

Девиацию как субъективно проблематичную изучают социологи, сосредотачивающиеся на социальной дифференциации девиантов. При этом учитывается, что в процессе коммуникации люди пользуются символами, которые они интерпретируют одинаково. Достаточно часто того, кто неадекватно интерпретирует какие-то символы, относят к девиантам. Возможность отнести кого-то к девиантам тем более прогнозируема, чем менее адекватна ожидаемая реакция.

Социологи, рассматривающие девиацию как субъективно проблематичную, склоняются к точке зрения, что девиантами можно считать людей "социально отмеченных". Когда индивид отмечен как девиант, вступает в действие целая вариативность социальных явлений. В диапазон этих явлений включаются такие вопросы "кто и на кого наклеивает ярлык "девианта", на каком основании, каким образом, до того, как он явно проявился как девиант или после, перед какой аудиторией и с каким эффектом?"

Наклеивание ярлыков девианта, теория, известна в социологии как теория стигмации. Такие процессы происходят в контексте определенной культуры. Культурный репертуар девиантов отличается в разных контекстах. Э.Гоффман считал, что все индивиды, будучи социальными акторами, выполняя множество ролей, девиантны, так как никто в полной мере не соответствует полностью социальному идеалу [5]. Проще говоря, любой нормальный человек социально девиантен. Социальный экран улавливает некоторые мелкие девиантные формы поведения, которые проходящие и не свойственны как постоянные характеристики. Э.Дюркгейм и Дж.Мид считали, что далеко не все действия, рассматриваемые как девиантные в данной культуре, являются таковыми в действительности [6; 7, с.577].

Высказывается мнение, что девиантное поведение может играть важную роль в сохранении социального порядка нетронутым. Это поднимает ряд интересных проблем

для социологии. Социологическая теория все больше занимается концепцией “социальной системы” – организацией составляющих частей общества в форму, которая поддерживает внутреннее равновесие, сопротивляется изменениям и имеет границы. Концепция “системы” подразумевает сложную систему взаимоотношений, но она, как правило, используется социологами, чтобы привлечь внимание к тем силам социального порядка, которые способны продвигать высокий уровень единообразия среди акторов и высокую степень симметрии в человеческих институтах. Предлагается привлекать внимание акторов к тем центрам социального пространства, где сосредоточены ключевые ценности, привнося их в рамках основных норм. Любое поведение, которое не привлекается этим центром и не принуждается к нему другими социальными силами, считается вне контроля, то есть девиантным.

Литература:

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы . Санкт – Петербург Питер. – 2000. – 508с.
2. Патаки Ф. Некоторые проблемы девиантного (отклоняющегося) поведения // Психологический журнал. – 1987. – № 4.
3. Энциклопедический социологический словарь. М.: ИСПИ РАН, 1995. – 939с
4. Бурдье П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии 1993. № 1-2. С. 49-62.
5. Goffman E. The Presentation of self in everyday life. New York .Anchor Books. 1959. – P.255.
6. Durkheim E The division of labour in society. New York: The Free press: Glencoe, 1952.
7. Mead H. The psychology of punitive justice. American journal of sociology, #23 1918 , p.577-602.

КОМПЛЕКСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОГО И КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Content-analysis is broadly used in the practical person of studies of mass-media products. But for deciding such problems, as an study image of social space, requires essential additions. Discourse analysis enables to reveal a directivity of mass-media products on different levels to its structured organizations, and grammatical (semantic role level). Tendency of using nomination of social group in the form dominant semantic role reflects an idea of journalists on the place of this group in hierarchies of social space. In the article presented motivation of complex using discourse analysis and content-analysis, elements of Program sociological study, some results of using this practical for the analysis of television news texts.

Практика контент-аналізу широко використовується в дослідженнях творів ЗМК. Але для вирішення таких завдань, як вивчення образу соціального простору, що транслюється в творах ЗМК, ця практика потребує суттєвих доповнень. Дискурсивний аналіз дає можливість виявити спрямованість твору ЗМК на різних його рівнях, в тому числі на граматичному (семантичні ролі). Тенденція використання номінації соціальної групи в формі домінуючої семантичної ролі відбиває уяву журналістів про місце цієї групи в ієрархії соціального простору. В статті подані обґрунтування комплексного використання дискурсивного та контент-аналізу, елементи Програми соціологічного дослідження, а також деякі результати застосування цієї практики для аналізу текстів теленовин місцевого недержавного телебачення.

Ключевые слова: произведения массовой коммуникации, дискурсивный анализ, контент-анализ, языковая номинация, коэффициент агентности, иерархия социальных групп, социальный агент, социальное пространство.

Осознание значимости средств массовой коммуникации (СМК) в современном обществе приводит к тому, что в исследовании различных аспектов их деятельности оказываются заинтересованы разнообразные социальные агенты (редакции изданий и телеканалов, рекламные агентства, коммерческие организации различного масштаба и т.д.). Все они используют методы исследования, огромное разнообразие которых разработано современной социологической наукой [1, с.172]. В этих условиях использование контент-анализа приобретает особое значение, так как он является наиболее интеллектуально емким и сложным методом, требующим специальных знаний, развитого социологического мышления и воображения. Анализ содержания произведения СМК, таким образом, оказывается преимущественно сферой интересов самой социологии. Это и определяет рост числа работ в направлении развития и совершенствования контент-анализа, привлечение этого метода к решению новых задач, чему посвящена и данная статья.

Роль массовой коммуникации как макро механизма обеспечения целостности человеческого сообщества, поддержания универсальной связи между людьми на когнитивном и интерактивном уровнях [1, с.153] реализуется посредством конструирования социального пространства. Оно происходит на символическом уровне как результат трансляции и закрепления в индивидуальном и массовом сознании соответствующего образа социальной реальности. Он, в свою очередь, складывается из упоминаний в произведениях СМК разнообразных социальных агентов: коллективных и индивидуальных, групп и институтов, партий, организаций, сообществ и т.д. Таким образом, процессы языковой номинации социальных агентов в текстах СМК становятся актуальным объектом социологических исследований

Сорока Юлия Георгиевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 45-74-05, e-mail: soroka@ticom.kharkov.ua)

социального пространства, его динамики. Особое значение это направление исследований приобретает для анализа динамики социальных групп как наиболее сложного и дискуссионного аспекта данной проблематики [2, с.93].

Исследование социального пространства, какими бы методами оно не проводилось, предполагает выяснение двух его основных структурных аспектов: агентов, его составляющих, и отношений между ними. Я обозначаю их как два "измерения" социального пространства: горизонтальное, аналитически представленное в виде перечня социальных агентов, и вертикальное, характеризующее их иерархию. Сведение всего богатства и сложности отношений между различными социальными группами, институтами и т.д. к иерархии, то есть некой шкале значимости, влияния, социальной силы представляется в данном случае обоснованным. С одной стороны, это связано с особенностями человеческого мышления (к которому и обращены произведения СМК), его стремлением к преодолению сложного через разложение на простые составляющие, с принципом "экономии энергии". С другой стороны, конструирование иерархии значимости лежит в основе журналистской деятельности в любых ее проявлениях (в особенности в технологии новостей) и именуется "принципом релевантности". (Ярким воплощением этого принципа деятельности СМК и, в целом, массовой культуры являются конкурсы "Человек года", "Мисс Вселенная" и т.п.). Кроме того, анализ изменений в иерархии социальных агентов, упоминаемых в произведениях СМК является одним из наиболее адекватных и мобильных средств наблюдения за динамикой в социальном пространстве.

Стремление превратить аналитическую картину социального пространства из плоской в объемную заставило меня обратиться к дискурсивному анализу и поискам путей его сочетания с контент-анализом. Дискурсивный анализ базируется на понимании произведения СМК как сложного коммуникативного события, единства языковой формы, значения и действия, включая в это понятие, как текст, так и различные характеристики социальной ситуации, ему соответствующие [3, с.111]. Это позволяет анализировать произведения СМК с точки зрения их внутренней структурной организации, выделяя уровни грамматический, уровень последовательности предложений, макроструктурные уровни темы и схемы сообщения. Журналисты выявляют основных участников событий и наделяют их различными семантическими ролями; устанавливают номинации социальных агентов в определенные синтаксические позиции в предложении; выстраивают предложения в последовательности, конструируя смысл посредством соотнесенных друг с другом интерпретаций; тематизируют сообщения в дикторской вводке; наконец, выстраивают сообщения в определенной последовательности по принципу релевантности. На каждом из уровней существуют различные способы реализации и анализа направленности сообщения, что в контексте данного исследования соответствует конкретной форме иерархии социальных агентов.

Наиболее приемлемым для целей данного исследования является грамматический уровень структуры дискурса, позволяющей исследовать распределение семантических ролей участников событий. Напомню, что семантическая роль агенса соответствует "одушевленному участнику ситуации, ее намеренному инициатору, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующие действия и является "источником энергии" этого действия" [4, с.11]. Роль пациенса предполагает участника ситуации, которую он не контролирует и не исполняет. Таким образом, распределение семантических ролей между номинациями участников событий отражает существующие между ними отношения доминирования-подчинения. Соотношение употреблений номинации конкретного социального агента в формах агенса и пациенса (коэффициент агентности) служит показателем характерных для авторов исследуемых произведений СМК тенденций приписывания номинациям позиций социального пространства активной или зависимой семантических ролей. А это, в свою очередь, демонстрирует представления о референтах исследуемых номинаций как о потенциально доминирующих или доминируемых, то есть характеризует их позиции в иерархии социального пространства. (Коэффициент агентности демонстрирует долю

употребления номинации в активной семантической роли в общем числе употреблений номинации и, таким образом, его значение колеблется в интервале 0-1).

Таким образом, знания о структуре произведений СМК, полученные в дискурсивном анализе, и связи содержания произведений с воспроизводимой в них социальной реальностью, интерпретируемой в рамках концепции схемы восприятия социального пространства в текстах массовой коммуникации [5], позволяет, используя практику контент-анализа, решать задачу выявления иерархии групп в социальном пространстве, подходу, тем самым, к анализу вертикального его измерения.

Общий принцип комплексного использования дискурсивного и контент-анализа заключается в дифференциации единиц счета, а именно: обнаруживаемые номинации социальных агентов анализируются с точки зрения их морфологических свойств. Нужно заметить, однако, что соотношение семантической роли агенса с морфолого-синтаксическими средствами выражения не является однозначным: как утверждают лингвисты, можно лишь указать типичную схему соответствия [6, с.77]. В этой связи было принято следующее допущение: агенс и паценс определяются как занимающие синтаксические позиции подлежащего и дополнения, которые в свою очередь принимают грамматические формы прямого и косвенных падежей соответственно.

Ниже приведена выдержка из Программы исследования, реализованного на выше-описанных принципах. Анализ подвергались тексты теленовостей (массив 1996-97 годов) местного негосударственного телевидения (АТН, г.Харьков):

“Логическая модель предмета анализа: транслируемая в теленовостях картина (образ) социального пространства складывается (формируется) из упоминаний в текстах сообщений номинаций (имен) социальных групп в грамматических формах семантических ролей (активной и зависимой) с различной частотой.

Смысловыми единицами анализа являются номинации социальных групп.

Единицами счета являются слова, представляющие собой номинации социальных групп в различных грамматических формах.

Надежность результатов исследования обеспечивают следующие меры: а) полнота объема словаря упоминаемых номинаций социальных групп обеспечивается анализом полного словаря данных текстов; б) контроль обоснованности содержания смысловых единиц обеспечивается анализом контекста употребления; в) номинации, объем употребления которых в исследуемых текстах не позволяет делать статистически обоснованные выводы, не учитываются в определении искомых показателей”.

В результате проведения социологического исследования были получены следующие результаты (Таблица). Иерархия социальных групп по величине коэффициента агентности, называемая далее иерархией активности социальных групп, дает возможность сопоставить уровень относительной активности различных групп в ситуациях с их участием. (Об упоминаемых ниже группах, их референтах и принципах их выделения см. [2; 5]). Эта иерархия характеризуется лидирующей позицией группы номинаций “Группы политического представительства” (0.44). В верхнем слое иерархии активности находятся группы номинаций “Занятые в общественном производстве” (2-я позиция, коэффициент агентности 0.39) и “Политико-управленческие группы” (4-я, 0.35). Таким образом, верхний уровень иерархии активности социальных групп представлен группами, в номинациях которых присутствуют критерии обладания властью (представительной или управленческой), а также участия в реально функционирующих производственных процессах.

Взаиморасположение в иерархии активности групп номинаций “Группы политического представительства” (1-я позиция), “Участники массовых выступлений” (5-я) и “Группы политической ориентации” (19-я) демонстрирует более высокую активность лидеров демонстраций и других подобных выступлений, а также подтверждает представления о слабой значимости политической ориентации в описываемых в АТН массовых выступлениях.

Относительно низкая позиция в иерархии активности социальных групп “Групп легитимации” (8-я, 2-й класс активности, коэффициент агентности 0.26) свидетельствует о ее

несамостоятельности и подтверждает представленное выше предположение о логико-семантических функциях объединенных в ней номинаций (объективация интересов, с которыми может идентифицироваться практически любой представитель аудитории теленовостей). Еще более низкую позицию в иерархии активности занимают группы номинаций "Институционализированные группы" (14-я, 0.17).

В среднем слое иерархии активности социальных групп располагаются группы незанятых в общественном производстве "Учащаяся молодежь", "Группы социальной защиты". В этом же уровне иерархии активности располагаются группы участников противоправных действий и их жертв.

Взаиморасположение в иерархии активности групп, объединенных по признаку занятости, характеризуется, как уже отмечалось, лидирующей позицией "Занятых в общественном производстве" (2-я позиция). Ниже в иерархии располагаются группы "В сфере здравоохранения" (3-я) и "В сфере образования и науки" (6-я), что демонстрирует высокий уровень относительной активности врачей и преподавателей (именно эти номинации используются в данных группах) в описываемых в новостях ситуациях с их участием. Следует заметить, также, что позиции в иерархии актуальности этих групп значительно ниже. В то же время, "Армейские группы" занимают одинаково низкое положение, как в иерархии активности, так и по степени актуальности (17-я позиция). Группы, выделяемые по признаку профессиональной принадлежности, также располагаются в нижнем слое иерархии, уступая, по сравнению с их позицией в иерархии актуальности, 5 позиций.

Иерархия активности социальных групп также демонстрирует низкую относительную активность групп, выделяемых по признаку занятости в негосударственном секторе. Все они ("Представители негосударственного сектора" (15-я позиция), "Группы по отношению к собственности" (21-я позиция), "Группы в сфере торговли" (20-я позиция)) располагаются в нижнем уровне иерархии. Таким образом, слабый интерес к негосударственному сектору авторов исследуемых теленовостей сопровождается (возможно, обусловлен) низким уровнем оценки относительной активности выделяемых по этому критерию коллективных участников описываемых событий.

Иерархия активности социальных групп, упоминаемых в исследуемых текстах АТН, демонстрирует следующие характеристики схемы восприятия социального пространства, характерной для их авторов в исследуемый период времени, по признаку относительной активности социальных групп. Характеристикой доминирования в ситуациях с их участием, а значит, и наибольшим потенциалом влияния среди других социальных групп обладают группы политического представительства или управления: руководители различного ранга, члены правительства, депутаты и т.д. Это соответствует их ранговым позициям в системе государственного управления, экономической и политической власти и обозначенная оценка их роли журналистами, безусловно, может быть оценена как объективная. Вместе с тем, это свидетельствует и о том, что внимание СМК (в частности, местного негосударственного телевидения) обращено не на общество, а на государство, политические и экономические институты, что, безусловно, оказывает влияние на представления, стереотипы и установки массового и индивидуального сознания, места и роли человека в социальной реальности современной Украины.

Высокой степенью относительной активности обладают группы номинаций "Занятые в общественном производстве", а также "Занятые в сферах образования и здравоохранения". Это является отражением тенденции высокой значимости фактора занятости в обществе, где постоянно присутствует угроза безработицы. Кроме того, высокие показатели активности групп, объединяемых по признаку занятости, должны оцениваться как проявление влияния производственного, экономического фактора социальных изменений и символической борьбы. Обращает на себя внимание то, что низким уровнем активности обладают группы, связанные с негосударственным сектором производства.

Полученные в результате исследования данные о вертикальном измерении социального пространства, а точнее – его символической объективации в произведениях СМК могут

быть также сопоставлены с данными по иерархии активности социальных институтов, использованы для анализа динамики социального пространства, для характеристики конкретных СМК с точки зрения направленности их произведений.

Таблица.

Иерархия социальных групп

1. ранговая позиция в иерархии активности,
2. название группы номинаций социальных групп,
3. величина среднего значения коэффициента агентности группы номинаций.

1	2	3
1	Группы политического представительства	0.41
2	Занятые в общественном производстве	0.39
3	Группы в сфере здравоохранения	0.37
4	Политико-управленческие группы	0.35
5	Участники массовых выступлений	0.3
6	Группы в сфере образования и науки	0.28
7	Территориальные группы	0.27
8	Группы легитимации	0.26
9	Учащаяся молодежь	0.23
10	Половозрастные группы	0.22
11	Группы социальной защиты	0.21
12	Представители негосударственного сектора	0.19
13	Группы девиантного поведения	0.18
14	Институционализированные группы	0.17
15	Профессиональные группы	0.16
16	Армейские группы	0.15
17	В сфере искусства и развлечений	0.15
18	Группы политической ориентации	0.14
19	В сфере торговли	0.1
20	Группы по отношению к собственности	0.05

Литература:

1. Костенко Н.В. Массовая коммуникация // Социология. / Под ред. М.Є.Макеева. - К. - 1998.
2. Сорока Ю.Г. Принципы конструирования социальных групп средствами языковой номинации в текстах теленовостей. // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. - Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 1999. - с.92.
3. Ван Дейк Т.А. Анализ новостей как дискурса // Ван дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова. - М.: Прогресс, 1989. - с.111-160.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, - М.: Сов. Энциклопедия, 1990. - 685.
5. Сорока Ю.Г. Схема сприймання соціального простору в текстах масової комунікації. Автореферат дисертации ... кандидата соціологічних наук. - Харків. - 1999.
6. Алисова Т.Б. Именные члены простого предложения и их семантические функции // НДВШ, ФН, 1970г., 2(56).

**СОЦІОЛОГІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ім.В.Н.Каразіна**

Адреса: Україна, 61002, Харків, вул. Мироносицька, 1
Телефон: (0572) 45-73-72, 45-73-68, 14-14-08
E-mail: sociology@univer.kharkov.ua
Рівень акредитації: IV

Декан: Ніколаєвський Валерій Миколайович, канд. філос. наук, доцент.
Заступник декана з навчальної роботи: Шеремет Ірина Іванівна, канд. філос. наук, доцент.
Заступник декана з наукової роботи: Арбеніна Віра Леонідівна, канд. філос. наук, доцент.

Соціологічний факультет – один з наймолодших в Харківському університеті. Його історія нараховує 10 років. Хоча соціологічна освіта в нашому вузі була започаткована ще на початку ХХ сторіччя, лише наприкінці сторіччя університет став готувати соціологів-професіоналів. Спочатку, у 1980 році на базі економічного факультету було введено спеціалізацію з соціології, яка здійснювалась завдяки відкритій у тому ж році кафедрі соціології на чолі з професором Якубою О.О. Перший випуск за цією спеціалізацією відбувся у 1983 році. У 1988 році на економічному факультеті було відкрито відділення соціології, а у 1990 році засновано соціологічний факультет.

Студенти отримують підготовку за спеціальностями “соціологія” та “соціальна робота”. На факультеті здійснюється також спеціалізація з політології. Факультет має денне та заочне відділення, відділення дистанційного навчання.

На денному та заочному відділеннях, за дистанційним навчанням на факультеті навчається майже 500 студентів.

У складі факультету 4 кафедри:

- соціології – зав. кафедрою Якуба Олена Олександрівна, докт. філос. наук, професор; т.: 45-74-05;
- прикладної соціології – зав. кафедрою Бакіров Віль Савбанович, докт.соціол. наук, професор; т.: 45-72-37;
- соціології праці та управління – зав. кафедрою Андрющенко Аліса Іллівна, канд.філос.наук, доцент; т.: 45-74-03;
- методики та техніки соціологічних досліджень – зав. кафедрою Кізілов Олександр Іванович, канд.соціол.наук, доцент; т.: 45-75-55;
- лабораторія соціологічних досліджень – зав. лабораторією Арбеніна Віра Леонідівна, канд.філос.наук, ст. наук. співр; т.: 45-76-51.

Факультет має комп'ютерний клас, методичний кабінет, інформаційний центр (бібліотека та центр Internet).

Студенти-соціологи вивчають більше 50 різноманітних курсів, серед яких філософія, загальна та соціальна психологія, політологія, економічна теорія, математика, загальна соціологія, історія соціології, методологія та організація соціологічних досліджень, конфліктологія, політична соціологія, теорія та практика соціальної роботи, управлінське консультування, маркетинг, реклама, соціологія молоді, соціологія сім'ї, методи комп'ютерної обробки соціальної інформації та ін.

Найкращим студентам факультету присуджуються почесні стипендії імені всесвітньо відомих вчених М.Вебера та М.Ковалевського.

Професійна діяльність випускників факультету перш за все пов'язана з викладацькою та дослідницькою роботою у вузах та коледжах, ліцєях та гімназіях, соціологічних центрах, соціальних службах органів влади, центрах зайнятості, соціально-психологічних службах у збройних силах тощо. Вихованці факультету працюють також в галузі реклами та маркетингу, в пресі, на радіо та телебаченні, в органах державного управління та місцевого самоврядування.

Соціологічний факультет має аспірантуру та докторантуру. На факультеті працює спеціалізована рада з захисту кандидатських та докторських дисертацій з соціології за трьома науковими спеціальностями: теорія та історія соціології, соціологія культури, науки та освіти, соціологія управління.

Науковий доробок факультету складають численні дослідження трансформаційних процесів в Україні, зокрема, змін у соціальній структурі нашого суспільства, проблеми розвитку вищої освіти, життєдіяльності учнівської та студентської молоді, електоральної поведінки, якості життя тощо.

СХІДНОУКРАЇНСЬКИЙ ФОНД СОЦІАЛЬНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

61002, м.Харків, вул.Мироносицька, 1, к.9, 21, 22
e-mail: sociology@univer.kharkov.ua
(+38 0572) 45-75-55; 45-73-68
tel./fax: (+38 0572) 14-14-08

Східноукраїнський Фонд соціальних досліджень створений за ініціативою соціологів, політологів, економістів, юристів Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна та інших наукових закладів, представників ділових кіл, засобів масової інформації, органів місцевого самоврядування м.Харкова.

Основні напрямки діяльності Фонду:

- науковий аналіз, діагностика та прогнозування соціальних, політичних, економічних, екологічних, етнічних та інших проблем сходу України і сучасного українського суспільства в цілому;
- соціологічні, соціокультурні експертизи управлінських рішень, політичних, економічних, соціальних програм і проектів, проблем регіонального, муніципального менеджменту, менеджменту на рівні окремої фірми;
- політичний маркетинг, консультування, організація та інформаційне забезпечення виборчих кампаній;
- аналіз ринку засобів масової інформації та реклами;
- дослідження соціальних механізмів розвитку освіти, науки, культури;
- аналіз споживацької поведінки на ринку продо-вольчих та непродовольчих товарів;
- інформаційне забезпечення фінансово-економічної та інвестиційної діяльності;
- експертиза і корекція рівня соціальної напруги на підприємствах різних форм власності, управлінське консультування.

Дослідники Фонду за останні роки здійснили велику кількість проектів, в тому числі:

- Роль етнічних груп в формуванні Нової Європи (дослідження було проведене спільно з Інститутом міжнародної соціології, Італія, Горіція, 1992 р.);
- Споживацький ринок в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку (1995-1998 рр.);
- Вивчення інформаційного простору в Харкові (моніторинг рейтингу засобів масової інформації, 1995-1999 рр.);
- Місто та держава: проблеми, тривоги і надії городян сходу України (дослідження було проведене в десяти містах сходу України, 1995-1996 рр. спільно з Асоціацією міст України, дослідницьким інститутом RTI (США) та Американським Агентством міжнародного розвитку (USAID));
- Аналіз соціального впливу реструктуризації приватизованих підприємств в Україні (Моніторинг 1996–1998 рр., спільно з програмою Тасіс, англійською дослідницькою фірмою MORI);
- Експериментальний проект у галузі вугільної промисловості. Аналіз соціального впливу та моніторинг (1996–1997 рр., спільно зі Світовим Банком);
- Міжнародні школи молодих соціологів і дослідників у 1997–1999 роках (спільно з соціологічним факультетом Харківського університету при фінансовій підтримці Міжнародного Фонду "Відродження" та Інституту відкритого суспільства (Будапешт, Угорщина);
- Формування адаптаційних механізмів поведінки щодо умов сучасного життя у людей похилого віку (1999 р., дослідження за грантом Міжнародного Фонду "Відродження");
- Оптимізація механізмів функціонування ринку праці в сучасній Україні (1999 р., дослідження за грантом Міжнародного Фонду "Відродження");
- Міжнародний науковий семінар "Особливості електоральної поведінки населення посткомуністичних країн Східної Європи" (1999 р., спільно з Фондом Фрідріха Еберта та Берлінським Науковим Центром соціальних досліджень (WZB, ФРН);
- Міжнародний проект "Соціально-економічні та політичні механізми міграції населення на просторі республік колишнього Радянського Союзу" (1999-2001рр, грант RSS (Soros Foundation));
- Міська програма "Діалог": "Забезпечення прав дітей та підлітків на свободу від паління" (1999-2000рр., грант АТ "Харківська тютюнова фабрика");
- Міжнародний проект "Життєві умови, спосіб життя та здоров'я" (2000-2003рр., грант Copernicus).

ВИМОГИ ДО АВТОРІВ "ВІСНИКУ":

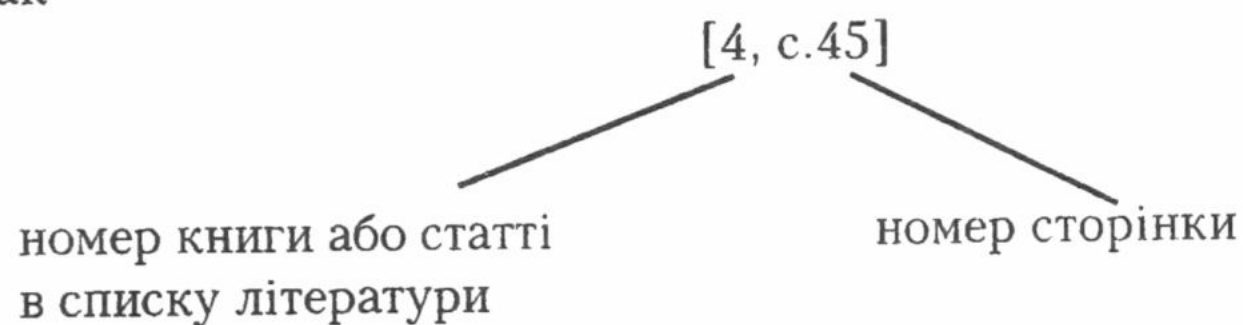
Статті приймаються українською, російською або англійською мовами. Вони мають бути оформлені:

1. Шифри (бібліографічні показники) УДК, ББК (ліворуч).
2. Прізвище та ініціали автора/авторів (праворуч, наприклад: *Бездрабко М.Ю., Ковальова Н.М.*)
3. Назва статті (великими літерами).
4. Анотації статті англійською та українською мовами (не більше 10-12 рядків), незалежно від того, на якій мові подана сама стаття. В анотаціях повинно бути вказано назву статті (англійською та українською мовою відповідно).
5. Ключові слова до статті.
6. Текст статті.
7. Супровідна сторінка: відомості про автора (прізвище, ім'я, по-батькові, адреса, телефон, факс, e-mail, місце роботи, посада, наукове звання).

При наборі тексту треба дотримуватися наступних вимог:

1. вимкнути "перенос";
2. відступ першого рядку кожного абзацу робиться не "пропусками", а за допомогою "табулятора" або автоматично через меню *Microsoft Word*;
3. відстань між словами – не більше 1 пропуску; зайві пропуски між словами небажані.

Посилання на літературу повинні бути подані в кінці статті у розділі *Література* з послідовною нумерацією відповідно до розміщення їх у статті. Виноски в тексті оформлюються так

Якщо автор посилається на всю книгу або статтю без вказівки сторінок, то вказується тільки номер джерела: [4].

Посилання на кілька джерел оформлюються так: [4, с.52; 7, с.63] або [4; 7].

Статті приймаються на дискеті 3,5" у текстовому редакторі *Microsoft Word*, обов'язково з роздрукованим примірником.

Стаття повинна бути обсягом не менш 11000, не більш 22000 знаків (шрифт – "Times New Roman", розмір – 12, інтервал – 1,5; на одній сторінці формату А4 розміщується приблизно 2500 знаків). Користуйтесь міню "Сервіс" – "Статистика".

Автор не має права передавати в інші видання статтю, прийняту редакцією та ухваленою редакційною колегією до друку.

Редакція зберігає за собою право скорочувати статті й правити мову статті.

Статті за підписами авторів висловлюють їхні власні погляди, які можуть не збігатися з позицією редакційної колегії.

Рукописи не рецензуються і не повертаються. Редакційна експертиза виконується винятково для внутрішнього користування.

Бібліографія оформлюється за таким стандартом:

Монографії, 1-3 автори:

Хижняк Л.М. Перетворення організації в умовах соціально-економічних змін. – Харків: Основа, 1999. – 272 с.
Меликов А.З., Пономаренко Л.А., Рюмшин П.А. Математические модели. – К.: Техніка, 1991. – 263 с.

Монографії, 4 автори:

Основы создания гибких автоматизированных производств / Л.А.Пономаренко, Л.В.Адамович, В.Т.Музычук, А.Е.Гридасов / Под ред. Б.Б. Тимофеева. – К.: Техника, 1986. – 144 с.

Монографії, 5 та більше авторів:

Город и государство: проблемы, тревоги, надежды горожан востока Украины / Бакиров В.С., Кушнарев Е.П., Кизилев А.И. и др. / Под ред. В.С.Бакирова, Е.П.Кушнарера. – Харьков: Форт Лтд, 1996. – 236 с.

Колективний автор:

Составление библиографического описания: Краткие правила / Междувед. каталогизац. комис. при Гос. б-ке СССР им. В.И.Ленина. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во “Кн. палата”, 1991. – 224 с.

Багатотомні видання:

История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. – М., 1982. – Т. 3: Расцвет реализма. – 876 с.

Перекладні видання:

Эриксон Э.Г. Идентификация: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.

Збірки наукових праць:

Харьковские социологические чтения-98: Сб. науч. работ. – Харьков: ЦЭПП “Радар”, 1998. – 499 с.

Складові частини книги:

Бакиров В.С. Горожане в мире политики // Город и государство: проблемы, тревоги, надежды горожан востока Украины. – Харьков: Форт Лтд, 1996. – С. 190-209.

Складові частини збірника:

Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Семейная самоидентификация в кризисном обществе (Опыт использования техники семантического дифференциала) // Социальная идентификация личности. – М.: ИС РАН, 1993. – С. 84-106.

Складові частини журналу:

Прибиткова І.М. Зайнятість і ринок праці // Філософська і соціологічна думка. – 1995. – №7-8. – с. 57-80.

Тези доповідей:

Макеев С.А. Тенденции социальной дифференциации // Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. “Проблеми розвитку соціології на сучасному етапі (теоретичні та методичні питання)”. – К.: Ін-т соціології НАНУ. – 1994. – С. 28-30.

Збірник наукових праць

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО
НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ ім.В.Н.Каразіна

№ 492'2000

**Соціологічні дослідження сучасного суспільства:
методологія, теорія, методи**

Технічний редактор Воскобойник І.С.;
коректор Зубков М.Г.;
комп'ютерна верстка Воскобойник І.С.

Підписано до друку 09.11.2000. Формат 70X108/1/16. Гарнітура Peterburg.
Друк офсетний. Умовних друк. арк. 14,97. Облік.-вид. арк. 13,68.
Тираж 300 прим. Зак. № . Ціна договірна.

Харківський національний університет ім.В.Н.Каразіна,
Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4
Видавничий центр Харківського національного
університету ім.В.Н.Каразіна.

Видання підготовлено за технічної підтримки
Східноукраїнського Фонду соціальних досліджень

Надруковано ЧП Есін
Харків, пр-т Леніна, 52, к.16